

Сергей  
**Зверев**



# ЖИГАН

И БЫВШИЙ  
МЕНТ



ЭКСМО

Жиган

Сергей Зверев

**Жиган и бывший мент**

«Научная книга»

## **Зверев С. И.**

Жиган и бывший мент / С. И. Зверев — «Научная книга»,  
— (Жиган)

Смерть в чане с расплавленным металлом легкой не назовешь. Но именно так погибают олигарх Воловик и его любовница. Вокруг наследства олигарха начинают кружить хищники всех мастей. Вот им-то как раз и не нужен Жиган, знающий многие секреты погибшего. И снова Жиган оказывается в самой гуще схватки, из которой два выхода: или чистая победа, или в чан с расплавленным металлом.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# Сергей Зверев

## Жиган и бывший мент

### Глава 1

На этот раз Константин не мог допустить ошибки. Он просчитывал каждый свой шаг, словно сапер, идущий по минному полю.

Он должен найти этого выродка и уничтожить его. Константин прекрасно понимал, что в этом нет никакого смысла, что это ничего не изменит, но не мог остановить себя. Он должен отомстить.

Темные окна отдельно стоящего дома на окраине Москвы не обманывали его. Его враг там, внутри, он затаился и ждет его.

Ждет, когда Константин придет к нему сам, в этом и состоял его нечеловеческий замысел.

Мошнаускас рассчитал правильно. Константин не мог не прийти. Он не мог остановить свое стремление к этому человеку, он должен убить его, иначе никогда не найдет покоя его измученная постоянными потерями душа. Потерями, столь же неизбежными, как столкновение мчащихся друг другу навстречу автомобилей на узкой дороге, на которой не разъехаться и с которой не свернуть. А какие-либо тормоза у этих автомобилей и вовсе отсутствуют, тормоза просто не предусмотрены конструкцией.

Панфилов был спокоен. Он знал, что все произойдет именно так, как он представлял себе уже не раз с тех пор... С тех пор, как он остался один.

Он войдет и увидит направленный в свою грудь пистолет. Но и его пистолет будет смотреть в грудь врага. Кто из них двоих останется в живых? Этого Константин не знал.

Но одно он знал точно, что жизнь Витольда Мошнаускаса сегодня ночью прекратится, через несколько минут он будет убит. И убьет его Константин Панфилов. И совершенно не имеет значения, останется ли он при этом сам в живых.

Густые кусты, росшие вокруг домика старинной постройки, наверное, еще прошлого века, позволяли подойти вплотную почти незаметно для того, кто находился внутри и мог наблюдать за улицей из окна.

Только оказавшись рядом с домом и подойдя вплотную к одному из окон, Константин понял, почему свет внутри выключен.

Мошнаускас его боялся. Боялся, что Константин выстрелит через стекло, увидев его в освещенной комнате. Поэтому и сидел без света, зная, что Панфилов не уйдет, пока не доберется до него. И тогда все будет зависеть от того, кто выстрелит первым.

Константин прижался спиной к стене и почувствовал, как сильно бьется в его груди сердце. Он волновался. Но это не было волнение страха.

Нет, он совсем не боялся быть убитым, ничто в этой жизни его не держало. Он боялся быть убитым прежде, чем успеет убить своего врага.

Мошнаускас был именно враг. Он ворвался в жизнь Константина неожиданно и случайно.

Что привело сегодняшней ночью Константина к невзрачному домику на окраине Москвы с пистолетом в руках и страстным желанием убить человека, о существовании которого еще совсем недавно он даже не подозревал?

Цепь случайностей? Рок? Судьба? Есть ли она вообще – судьба?

Иногда Панфилов думал, что все произошло и в самом деле случайно.

Он случайно наткнулся на объявление о том, что охранное агентство примет на работу зрелого мужчину, обладающего навыками стрельбы и рукопашного боя. Это было именно то,

что нужно, то, что он искал, то, что могло дать ему покой и свободу, возможность «лечь на дно», и Константин отправился по объявлению не задумываясь.

Ничем иным, кроме случайности, не могло быть и его первое задание в агентстве – охранять загородный особняк известного в финансовых кругах человека, банкира и теневого политика Генриха Воловика.

Случайно он вступился за молоденькую проститутку, которую сын банкира привез в особняк и принялся избивать. Вступился, проучил молодого и наглого наследника одного из самых богатых людей России и тем самым привлек внимание самого банкира.

Случайно тот принял его за парламентаря от противоположной политической группировки, пытающейся наладить тайные контакты со своими противниками накануне больших выборов в России...

Нет, пожалуй, это уже не было случайностью. Как не было случайностью и то, что он заступился за Риту и фактически спас ей жизнь.

Он бы не смог поступить иначе. Значит – никакая это не случайность. Это его характер, его природная, врожденная натура, которая всегда, всю его жизнь втравливала его в истории, подобные этой.

В истории, заканчивающиеся всегда одинаково, тем, что Константин Панфилов оставался один и становился с каждым разом более одиноким, чем был прежде.

Судьба человека сосредоточена у него внутри, в его характере, вот что понял Константин, размышляя над своей жизнью.

Во всей этой истории, точку в которой он хотел сейчас поставить, чистой случайностью был только его первый шаг – когда он появился в агентстве Мошнаускаса, и тот взял его на работу, допустив ошибку, за которую скоро, очень скоро заплатит жизнью.

Константин оказался не только свидетелем чужой игры, но и невольным ее участником, одной из ее главных фигур. Он долго не мог разобраться, что за странные, на первый взгляд не имеющие никакого разумного объяснения, а порой и просто смысла, события происходят вокруг него. Не он был причиной этих событий, напротив, он даже и не хотел ни во что вмешиваться. Но это уже от его желания или нежелания не зависело.

События уже развивались с неотвратимостью падающего в пропасть камня. И вовлекали Константина в себя, как мощный поток, – сбивая с ног, переворачивая, стуча о камни – и тащили за собой, ломая его сопротивление и желание оставаться на месте.

...Вот и входная дверь. Она оказалась незапертой. Теперь уже у Константина не осталось никаких сомнений, что Мошнаускас его ждет.

Сидит в темной комнате, прижавшись спиной к глухой стене и переводит взгляд с темного окна на дверь в комнату и снова на окно. Пистолет в его руке стал влажным от пота, и время от времени Мошнаускас тщательно протирает платком его рукоятку.

Он ждет Константина. И знает, что ждать осталось уже немного.

Дверь не была заперта, но оказалась плотно прикрытой. И вновь Константин понял, что она намеренно оставлена незапертой, и, конечно же, понял, для чего Мошнаускас это сделал.

Панфилов был уверен, что стоит ему тронуть эту дверь, как она скрипом предупредит Мошнаускаса, что Константин вошел в дом.

И тот замрет в напряжении и теперь уже не будет смотреть на окно. Теперь Мошнаускас, забыв про окно, будет смотреть только на дверь, из-за которой должен появиться Константин.

Да, Мошнаускас ошибся, когда брал Константина на работу. Не понял и не оценил его по достоинству. Можно его оправдывать тем, что он не получил приказа вовремя, что его подвел человек, который должен был занять именно то место, на которое он поставил Константина и фактически сорвал всю тонко и тщательно подготовленную операцию.

Генрих Львович совершенно неожиданно для Мошнаускаса пошел на контакт прежде, чем операция была подготовлена. Мошнаускас, хоть и не по своей вине, нарушил сроки под-

готовки и фактически сунул Константина в колесо, в котором должна была вертеться совсем другая «белка». Это был очень серьезный промах с его стороны, и Глеб Абрамович Белоцерковский, на которого Мошнаускас работал и в чьих интересах была задумана вся операция по устранению с политической арены Генриха Воловика, – человек не менее влиятельный и не менее богатый, чем сам Генрих Львович, – не ограничился бы одним раздражением, узнав об этом промахе. ГБ, как привыкли называть Белоцерковского журналисты, ошибок такого уровня не прощал.

Контакт, неожиданно для Мошнаускаса, состоялся. Генрих Львович пошел на него прежде всего потому, что сам же этого хотел. Он сам и спровоцировал Белоцерковского на попытку себя дискредитировать, надеясь, что успеет перехватить у него инициативу и сможет дискредитировать его самого. Впрочем, до конца Генрих Львович еще не решил, может быть, он и откажется от поддержки своего нынешнего ставленника – московского мэра Дружкова – и переметнется в лагерь противника. Все будет зависеть от того, какие условия предложит ему Белоцерковский и можно ли будет обеспечить себе гарантии политической безопасности.

Предательство – это тоже бизнес, и порой очень доходный. Надо только знать точную цену, за сколько можно себя продать. Так, чтобы не продешевить.

Это политика, а она всегда связана с деньгами, всегда диктуется капиталом, что бы там ни говорилось с трибун на митингах.

Политика – это прежде всего грязь и предательство, это деньги и еще раз деньги. Деньги, которые дают власть, необходимую для того, чтобы делать новые деньги. И так – бесконечно.

Об интересах народа и судьбе России речь идет только в предвыборных программах и на встречах кандидатов в депутаты со своими избирателями. На самом-то деле в политике присутствует лишь один интерес – интерес денег, делающих новые деньги.

Но Мошнаускас ошибся не один раз. Свою главную ошибку он сделал, когда решил, что сможет убрать Константина, как невольного, но совершенно ненужного свидетеля своего промаха. Человек, на которого работал Мошнаускас, ошибок не прощал.

Оставалось только одно – провести срочную чистку, убрать почти всех, кто имел отношение к несостоявшейся операции.

Воловик вступил в контакт, хотя парламентар от его политических противников так и не прибыл на встречу с ним. Но Воловик этого не подозревал и вступил в контакт с Константином, которого и принял за этого самого парламентаря. За что поплатился жизнью.

Как ни сложно было тихо и незаметно убрать Воловика, слишком заметной фигурой тот был, но и это удалось Мошнаускасу.

Те, кто сделал это по приказу Мошнаускаса, сами прожили недолго после операции. Мошнаускас хорошо «прочистил» ряды людей, которые были в курсе этого дела.

И теперь только он один знал, почему осиротела империя Воловика.

Впрочем, знал это еще и Константин, которому удалось разобраться в обстановке. Теперь оставалось его убрать, и тайна Мошнаускаса станет абсолютной, то есть знать о ней будет только он один.

...Ничего не оставалось, как открыть дверь и войти. Константин даже не удивился, когда услышал дикий, громом раздавшийся в притихшем доме скрип.

Он послал своему врагу предупреждение о том, что вошел в дом.

Наиболее эффективно было бы для Мошнаускаса поджидать его появления именно за этой, за входной дверью. И стрелять сразу, как только Константин появится в дверном проеме. Но на этот раз Мошнаускас не отступил от элементарного правила профессионалов – минимум эффектности и максимум эффективности.

Витольд не мог забыть унижения, которое испытал, решив проверить, насколько соответствует действительности утверждение Константина о том, что он «неплохо» владеет приемами рукопашного боя. Мошнаускас решил уточнить, что означает это «неплохо», и спросил,

скольких человек, имеющих профессиональную подготовку, сможет одолеть Константин без какого-либо оружия?

Панфилов пожал тогда плечами и сказал, что человек пять-шесть, наверное, точно он не знает. Это Мошнаускаса задело.

Он счел это чрезмерно развитым самомнением и пижонством и решил Константина прочесть. Он привел Панфилова в тренировочный зал охранного агентства и предложил продемонстрировать свое умение на себе. Ни одному человеку из тех, кто у него работал, еще ни разу не удавалось победить его на тренировках.

Как ни пытался Витольд настроиться на очень серьезный уровень своего соперника, некоторая расслабленность, от которой он так и не смог до конца избавиться, сыграла с ним злую шутку.

Ровно через пятнадцать секунд он оказался на полу, а Константин успел наглядно продемонстрировать к тому времени три приема, которыми он мог Витольда убить, четко обозначил эти удары, но не завершил, естественно.

Самое обидное в этих ударах и заключалось – так поступают с зелеными «пацанами», когда хотят поставить их на место, которого они заслуживают, – на место сопливых учеников.

Мошнаускас не забыл этой обиды и теперь не мог просто убить Константина. Ему нужно было поставить того в безвыходную ситуацию, увидеть в его глазах растерянность, страх и только после этого всадить ему пулю в лоб. Или в сердце – это уже по желанию.

По коридору Константин даже не старался идти бесшумно. Он наступал на скрипучие половицы, не выбирая места, не замирал от их скрипа и не пытался скрыть то, что он приближается к закрытой двери комнаты, в которой его ждет Мошнаускас.

Константин точно знал, что ждут его именно за этой дверью, – остальные были заперты и заставлены старой мебелью: советских времен книжными канцелярскими шкафами, неустойчивыми пирамидами сломанных стульев, поставленными друг на друга письменными столами. Свободной оставалась единственная дверь в коридоре, к ней-то и приближался Константин.

Он шел, не скрывая своего движения, но делал это очень медленно, останавливаясь после каждого шага, и замирал, прислушиваясь, как по притихшему в ночи зданию пролетает резкий скрип половиц и тает среди хлама, заполняющего коридор.

Дождавшись полной тишины, он делал еще один медленный шаг, и все повторялось снова.

Константин делал это вполне осознанно, приучая Мошнаускаса к мысли, что за каждым шагом следует пауза в движении, во время которой он, Константин, остается неподвижным. Он хотел заставить готового к выстрелу Мошнаускаса постоянно ожидать этой паузы.

Коридор оказался длинным, очень длинным, хотя обычным шагом его можно было бы пройти за несколько секунд. Однако Константин подолгу застревал на одном месте, и временами ему казалось, что он стоит не меньше десяти минут после каждого шага, хотя на самом деле это были всего несколько секунд.

В эти моменты бесконечного, хотя и недолгого ожидания, в голове Константина сталкивались картины каких-то воспоминаний с обрывками его мыслей. Он вспомнил, например, как попрощался последний раз с Ритой...

На этот раз ошибся Константин, и эта ошибка обошлась ему очень дорого.

Едва избавившись от людей Воловика, которые пытались его убить, Константин привел Маргариту к Татьяне, единственному, наверное, в Москве человеку, которому он мог доверять. Она когда-то любила его, он тоже думал, что ее любит, и они едва не начали жить вместе, едва не связали свои жизни навсегда.

Но оказалось, что это невозможно. Татьяна вовремя поняла, что для Константина близкие люди вовсе не дороже его дел, его борьбы с врагами, его денег, требующих всей его энер-

гии и всего его внимания. Она отказалась от него, и со временем Константин и сам понял, что Татьяна поступила правильно.

Ведь он в конце концов и сам отказался от всего того, что раньше управляло его жизнью. Отказался даже от имени «Константин Панфилов», которое казалось ему наполненным каким-то непостижимым роковым смыслом, становилось причиной смерти всех, кто связывал с ним свои жизни.

Он оборвал все связи со своей прошлой жизнью, отказался от борьбы, от врагов, без которых не мог прежде обойтись и дня, от своих денег, которые ему не на кого было тратить и с помощью которых можно было только делать новые и новые деньги...

Зачем? Когда он задал себе этот вопрос, деньги перестали его интересовать.

Но понял он все это слишком поздно. Та хрупкая тонкая нить, которая протянулась от его души к душе Татьяны, уже порвалась и никаким узлом ее связать было теперь невозможно. У них остались бы, наверное, дружеские отношения. Возможно, со временем Константин даже начал бы приезжать к ней раз-два в месяц из своего Запрудного, где он был первым человеком в городе, и проводить у нее ночь.

Но ни он, ни она этого не хотели. Что-то особенное все же было между ними, чего они не хотели разрушать, пусть даже все это осталось только в прошлом и не имело никакой перспективы.

Константин больше не ездил к Татьяне, она ему не звонила.

Они расстались, но все еще оставались вместе, где-то там, в воспоминаниях, в глубине своей памяти.

Мысль обратиться к Татьяне за помощью, когда ему оказалось необходимым пристроить на несколько дней в Москве Маргариту, возникла у Константина только потому, что никакой другой вариант был уже невозможен.

По его следу шли буквально по пятам, он рисковал не только своей жизнью, но и ее тоже. А с него уже достаточно было смертей. Все, кто когда-то были близкими ему людьми, оказались мертвы. И он часто думал, что это произошло именно потому, что они связали свои жизни с ним, Константином Панфиловым.

Кроме того, Маргарита сковывала его возможности. Он не мог оставить ее одну, не мог и таскать с собой по Москве. Ей нужно было придумать надежное безопасное прибежище на несколько дней. И Константин вспомнил о Татьяне.

Конечно, она согласилась помочь ему. Хотя и видела, что теперь уже Маргарита стала близким Константину человеком и фактически заняла место, когда-то принадлежавшее ей. А может быть, именно поэтому она и помогла этой нескладной еще девочке-подростку, попавшей в Москву с голубой мечтой покорить свет и мир и уже через несколько месяцев превратившейся в заурядную московскую проститутку, которой суждено было отработать на сутенера несколько лет, а потом закончить или передозировкой, или белой горячкой, или перерезанными венами.

Константин оставил их вдвоем и ушел совершенно спокойный за судьбу Маргариты. О судьбе Татьяны он не думал теперь никогда. Она жила своей жизнью, от него не зависящей, а значит, никакая исходящая от него опасность ей и не угрожала.

Вот это наивное, самодовольное ощущение избавления от ответственности за жизнь близкого ему человека и было ошибкой Константина.

Конечно, он не знал, не мог знать, что разыскивающий его как единственного человека, который знал о его промахе и который мог его подставить перед «хозяином», Мошнаускас, сумел узнать, что сегодняшнее имя Константина – не настоящее, что он не кто иной, как Константин Панфилов, личность достаточно известная, чтобы вычислить его возможные контакты в Москве.

И уже через час после того, как Константин покинул небольшой сквер в одном из переулков недалеко от Триумфальной площади, где расстался с Маргаритой и Татьяной, в тот же самый сквер вошел Витольд Мошнаускас, разыскивающий адрес, по которому, согласно имевшейся в компьютерном банке информации аналитического отдела его агентства, проживала бывшая любовница Константина Панфилова по имени Татьяна.

Для Мошнаускаса не составило труда вычислить, что обложенный почти со всех сторон Панфилов попытается пристроить свою теперешнюю подружку в спокойном и не бросающемся в глаза месте. Например, у своей бывшей любовницы.

Поэтому через несколько минут Витольд Мошнаускас уже стоял перед дверью в квартиру, в которой жила Татьяна, и нажимал кнопку звонка.

Он готов был внести свои коррективы в планы Константина Панфилова.

## Глава 2

...Расставшись с Маргаритой и Татьяной, Константин решил выяснить наконец, в чьей игре он стал фигурой, которой не объяснили ее достоинства.

Москва была взбудоражена необъяснимым исчезновением Генриха Львовича Воловика. Газетчики и тележурналисты строили предположения, одно другого сногшибательней.

Константин вновь и вновь вспоминал очень странный разговор с Воловиком в его особняке. За кого его принял тогда Воловик? Как ни старался Константин объяснить банкиру, что он случайно оказался на месте кого-то другого, что он не тот человек, за которого его принимают, Воловик не верил его объяснениям и считал их вполне естественной в сложившейся ситуации предосторожностью.

Он фактически раскрыл свои карты перед Константином, показав, что готов перейти в другой политический лагерь и финансировать другого кандидата на первую роль в России. И потребовал за это определенные условия для себя. Первое и пока единственное заключалось в том, что двое его людей должны получить какие-то высокие должности и контролировать соблюдение его интересов, прежде всего финансовых.

Константин, уже понявший к тому времени, что завяз в ситуации глубоко и уже не сможет из нее выбраться, набрался наглости пообещать это Воловику, тем самым согласившись с ролью, которую ему навязывали. Он понимал, что именно из-за этого он и стал теперь объектом охоты. Он обладал информацией о теневых контактах двух враждующих политических лагерей, и информация эта была одинаково опасной для каждого из этих лагерей.

Одну сторону представлял, конечно, сам Генрих Львович Воловик, а вот о другой можно было только строить предположения.

Это мог быть кто угодно. Константин не настолько хорошо разбирался во взаимоотношениях между главными российскими политическими силами, чтобы понять это по туманным намекам, которые постоянно и даже настойчиво делал ему Воловик в том разговоре.

Расставаясь, Воловик передал ему имена тех своих двух людей, которых желал внедрить в ряды своих политических противников, и краткие досье на них. Константин так и не заглянул в конверты, которые передал ему Воловик, так и не поинтересовался содержащейся в них информацией. Теперь, когда он понял, что просто уйти в сторону ему не удастся, его просто не отпустят, поскольку он стал носителем опасной информации, он не видел иного способа разобраться в ситуации, как встретиться с этими людьми и заставить их говорить откровенно.

Исчезновение Воловика еще больше обострило ситуацию. Константин чувствовал, что его исчезновение прямо связано со всей этой запутанной историей, участником которой стал он сам.

И это сильно его беспокоило. Он ясно ощущал силу противостоящей Воловику политической группировки. Странное исчезновение Генриха Львовича сильно попахивало заказным убийством, хотя никаких намеков на это в СМИ не прозвучало.

Такое предположение сделал сам Константин. И это еще сильнее подогревало его желание разобраться в ситуации. Если убрали Воловика...

Что стоит людям, которые это сделали, убрать и Константина, а вместе с ним и Маргариту?

Сев за столик в открытом кафе, Константин достал из кармана два узких и длинных конверта и вытащил из каждого по листу бумаги.

Две фамилии, две краткие характеристики деловых и человеческих качеств, две краткие биографии и, наконец, два адреса. Вот это и нужно Константину. Эти люди наверняка в курсе всей интриги, в которой они должны принимать самое активное участие. Константин найдет их и узнает полную правду.

Первый – управляющий «Импорт-банком», прочно держащимся в десятке крупнейших московских банков, Олег Кабанов, молодой, но уже достаточно опытный в банковском бизнесе человек. За его плечами работа в крупнейших банках России, естественно из той группы, которая контролировалась Воловиком, успешно проведенные операции на рынке ГКО, работа экспертом в парламентском бюджетном комитете.

Константин сразу понял, что встретиться с ним не очень-то просто. Его наверняка охраняют, а Константину уже смертельно надоели и стрельба, и драки, и погони с преследованиями.

Впрочем, в досье указан номер мобильного телефона Олега Кабанова. Это значительно облегчает дело.

Константин тут же решил позвонить ему.

Сначала он выслушал вежливый отказ в просьбе встретиться с ним. Но тут же прозвонил снова и прежде, чем Кабанов успел вновь сослаться на свою занятость и отказаться от встречи, сказал:

– У меня есть поручение лично для вас, – и, не дав своему собеседнику возмутиться, добавил: – От Генриха Львовича...

– Вы знаете, где он? – тут же перебил его Кабанов. – Где?

Константин медленно покачал головой, словно его собеседник мог его увидеть.

– Не знаю, – ответил он. – Но поручение для вас у меня все же есть. Как я могу вас увидеть?

– Через час в «Импорт-банке», – ответил Кабанов. – Охрану я предупрежу.

Через час Константин уже сидел в глубоком кожаном кресле напротив расположившегося в точно таком же кресле Олега Кабанова. На низком столике между ними стояли перед каждым по бутылке лимонной «Перье», пепельница, лежала зипповская зажигалка и пачка «Парламента».

– Вы должны, конечно, знать, что Генрих Львович сделал на вас самую серьезную ставку, – первым заговорил Константин.

– Мы с вами находимся в неравных условиях, – осторожно сказал Кабанов. – Вы знаете, кто я, я же о вас ничего не знаю. Не хотите представиться?

– Не хочу, – отрезал Константин. – Я пришел не в вежливости с вами состязаться и не биографию свою вам рассказывать. Обойдетесь и без подробностей моей жизни. Я всего лишь сообщаю вам, что мне, так же, вероятно, как и вам, известны намерения Генриха Львовича Воловика, касающиеся вашей дальнейшей карьеры.

Олег Кабанов долго и пристально рассматривал Константина, который закурил и спокойно дымил сигаретой, дожидаясь, пока его собеседник решится наконец разговаривать с ним серьезно.

– Когда вы видели Генриха Львовича? – спросил наконец управляющий банком.

– Это не имеет значения, – возразил Константин. – Видел. И он передал мне вот это...

Он вытащил из кармана конверт и положил его на столик, рядом с пепельницей.

– Это письмо адресовано мне? – спросил осторожно Кабанов.

– Это не письмо, – ответил Константин. – Это моя верительная грамота, если можно так выразиться. Выданная мне самим Воловиком.

Он достал из конверта лист бумаги и положил его перед Кабановым.

– Посмотрите, прошу вас, – сказал он. – Может быть, это заставит вас мне поверить...

Кабанов взял в руку лист, взглянул на него – и похолодел. На листе было напечатано краткое досье на него, Олега Кабанова.

Содержало оно, помимо всего прочего, такие сведения, о которых мог знать только сам Воловик и больше никто. Например, о его бывшей связи с женой Воловика – Лилечкой. Это была семейная тайна Воловика, о которой знали только трое. И вот на этом листе бумаги, кото-

рый протянул ему сидящий напротив человек, не пожелавший назвать себя, черным по белому написано: «В разное время состоял в интимных отношениях с...» Далее следует перечисление всех его бывших любовниц, и где-то в середине списка значится имя Лилии Симоновой. Именно такую фамилию она носила до того, как вышла замуж за Генриха Воловика.

Он же, Олег, и познакомил их. И Лилька сразу нацелилась на то, чтобы поменять его на Генриха. И поменяла. Правда, ничего путного из этого брака не вышло. Ни большой и крепкой любви, ни детей. Генриху вполне достаточно было одного наследника, от брака с первой женой. А Лильке ничего, кроме его денег, вообще не нужно было.

Когда Воловик в этом разобрался, было уже поздно – Лилька уже управляла его жизнью. И он, чтобы избавиться от нее, отправил ее в Италию, разрешив ей купить там на свое имя старинный дворец.

Кажется, она и в самом деле что-то такое средневековое купила в Венеции.

Генрих Львович терпеть не мог никаких сплетен о его личной жизни и поэтому позаботился о том, чтобы прочно и навсегда забылся тот факт, что Лилечка Симонова, до того как выйти за него замуж, была любовницей одного из его подчиненных.

– Я не понимаю, – сказал Олег Кабанов. – Откуда все это у вас?

– Эту информацию мне передал Генрих Львович, – ответил Константин. – И просил на словах передать вам, что вы должны быть готовы к новой должности.

Кабанов смотрел на Константина молча, и тот никак не мог понять его реакции.

– Генрих Львович просил, кстати, поинтересоваться, вы не забыли, о какой должности идет речь? – спросил Константин.

– Председатель Центробанка, – ответил машинально Кабанов, но тут же спохватился и спросил: – Кто вы? И зачем пришли ко мне?

Константин был очень удивлен, хотя постарался скрыть свое удивление. О какой же группировке идет речь? Если Генрих Воловик ставит кому-то условие, что его человек должен работать председателем Центробанка... Это значит, что на контакт с ним выходила группа Белоцерковского, или ГБ, как его чаще называют.

С врагами такого уровня Константин еще ни разу в своей жизни не сталкивался. Приходилось ему вступать в драку с авторитетами воровского мира, приходилось отстаивать право на жизнь с откровенными отмороженками, но с олигархами жизнь его столкнула впервые.

Впрочем, какое там столкнула! Оказался он как камешек между двумя жерновами, перемалывающими российскую жизнь в доллары. Вот значит, за чьего посланца принял его Генрих Львович Воловик, за полномочного представителя своего давнего противника, не менее крупного финансового магната Глеба Абрамовича Белоцерковского. Ничего хорошего эта ситуация для Константина не обещала.

Он вспомнил, что Олег Кабанов обратился к нему с каким-то вопросом, и вновь посмотрел на своего собеседника. Но теперь уже с усмешкой.

– Кто я? – переспросил он. – Я сам часто не могу ответить на этот вопрос. Кто бы я ни был, к вам это никакого отношения не имеет.

Константин встал.

– Листочек этот со справочкой на Олега Константиновича Кабанова можете оставить себе, – сказал он. – Он теперь вряд ли пригодится кому-нибудь другому.

Кабанов тут же взял со стола лист бумаги и положил его в стоящий у него за спиной сейф.

– Я все же не совсем понимаю цель вашего визита ко мне, – сказал он, несколько растерянно глядя на Константина.

Панфилов заметил, что рука Кабанова медленно продвигается к краю стола.

Что у него там, под крышкой стола? Пистолет или кнопка вызова охраны? Какая, собственно, разница? И то, и другое обещает бестолковую «разборку» и чью-то совершенно бессмысленную смерть. Да и есть ли в смерти вообще хоть какой-нибудь смысл?

– Я советую вам не делать глупостей, – Константин кивнул на крышку стола. – Не повторяйте ошибок Генриха Львовича.

Рука Кабанова остановилась.

– Вам что-то известно о нем, – сказал он, скорее утвердительно.

Константин покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я вам уже говорил... Но точно знаю, что Генрих Львович допустил недавно очень серьезную ошибку. Из-за которой многое наверняка изменилось в его жизни. Впрочем, на вашей жизни это тоже скажется самым непосредственным образом. Думаю, вы никогда не станете председателем Центробанка.

Кабанов удивленно поднял на него взгляд, но промолчал. Им все больше овладевали сомнения: не сумасшедший ли этот человек? Слишком много в его словах было тумана и непонятных намеков, слишком мало здравого смысла.

Он чуть не нажал кнопку тревоги, когда Константин выходил из его кабинета. Его смутила последняя фраза Константина.

Нет, этот человек не был сумасшедшим, он что-то знал о странном исчезновении Воловика. Но вряд ли он скажет больше того, что уже сказал. Его не задерживать нужно, а проследить за ним.

Вполне возможно, что через него можно будет выйти на след исчезнувшего Генриха Львовича.

Олег Кабанов уже положил палец на кнопку, но в его голове всплыла еще одна услышанная им только что фраза: «...не повторяйте ошибок...» И еще что-то такое угрожающее...

В конце-то концов, кто заставляет его проявлять сейчас активность и разводить самостоятельность? Шефа нет, исчез, не оставив никаких инструкций.

Кабанов помнил, конечно, разговор с Воловиком, в котором тот предупредил его, что скоро, возможно, Олегу предстоит на некоторое время возглавить Центробанк. Воловик сразу сказал тогда, что это будет очень недолгий взлет на вершину российского банковского «олимпа» и что распорядиться возможностями, которые тогда представятся, нужно с умом и очень быстро.

Они детально разработали тогда схему обвала рубля, и Олег поразился масштабам аппетитов Воловика. Прибыль, которую тот рассчитывал положить в свой карман, показалась огромной даже Олегу, который давно уже привык к астрономическим суммам.

Но разговор этот был уже давно, пару месяцев назад, и с тех пор Генрих Львович к нему не возвращался, а Олег ни о чем не спрашивал, полагая, что в нужный момент его предупредят.

Может быть, это и было предупреждение? Только уж больно странное какое-то. Если его сейчас и предупредили, то о чем-то другом.

И еще одна очень неприятная мысль шевельнулась в его голове.

«Хорошо, конечно, – подумал он, – если Генрих Львович сидит где-нибудь сейчас, попивает свое любимое полусладкое «Токайское» и ждет результатов очередной гениальной интриги. Хорошо, если этой интригой и объясняется его исчезновение. Если же...»

Кабанов осторожно снял палец с кнопки, словно это была кнопка взрывателя мины, на которой он сидел, и положил руку на стол. Пальцы его слегка подрагивали, и он не мог успокоить эту дрожь.

Олег Константинович Кабанов очень не хотел повторять ошибок Генриха Львовича Воловика. Поэтому и не стал вызывать охрану, поэтому и отпустил Константина, не организовав за ним слежку.

Искать второго человека, адрес которого дал Панфилову Воловик, не имело уже никакого смысла. Что мог изменить разговор с ним? Только подтвердить информацию, полученную от Кабанова. Информацию о том, что Воловик принял Константина за представителя Белоцер-

ковского. Принял и сдал ему своих людей. И вот этого самого Кабанова сдал, которого готовил для большой должности. Сдал, потому что это оказалось выгодным.

«Вот они – деньги, за которыми я гнался всю свою жизнь! – подумал Константин. – Они не признают ничего, кроме самих себя. Деньги рожают новые деньги и желание иметь еще большие деньги! И это желание становится самым главным для человека, постепенно, против его воли завладевает им и вытесняет все другие человеческие желания. И вся его жизнь становится подчинена только деньгам».

Разговор с Кабановым помог Константину найти последний кусочек для мозаики и сложить общую картину. Все становится совершенно ясным, если допустить, что Мошнаускас работает на ГБ. Неизвестно, в силу каких причин Мошнаускас послал Константина охранять этот злополучный особняк Воловика, когда на его место должен был отправиться другой человек – то ли ошибся, не получив вовремя инструкцию от своего шефа, то ли сам затеял какую-то игру.

В любом случае Мошнаускас должен убрать Константина, как весьма нежелательную для его собственной безопасности фигуру. А для того чтобы убрать, нужно сначала найти. Вот пусть и попробует найти в огромной Москве человека с вымышленным именем.

Константин набрал номер телефона Татьяны и долго прислушивался к длинным монотонным гудкам. Вероятно, Татьяна ушла, а Маргарита не брала трубку. Она и не должна была ее брать.

И все же какое-то смутное беспокойство шевельнулось внутри Константина.

Он купил бутылку пива и не спеша выпил ее на лавочке в сквере. Нужно было подумать о том, что делать дальше, но думать не давало все усиливающееся беспокойство, вызванное молчанием в телефонной трубке.

Константин позвонил еще раз.

– Алло! – ответил ему незнакомый мужской голос.

«Я опоздал!» – мелькнула в голове у Константина четкая мысль.

– Кто это? – крикнул он в трубку.

– Я буду ждать тебя, – сказал мужчина. – Слышишь, Костя? Адрес ты найдешь здесь. Я оставлю его на столе. И поспеши, если не хочешь, чтобы раньше тебя здесь оказалась милиция.

– Назови себя! – крикнул Константин. – Кто ты?

В ответ ему раздались короткие гудки отбоя.

Панфилов понял, что его ненавистная судьба вновь догнала его.

Он не думал, что он делает, он просто подчинился какой-то внешней силе, влекущей его в переулок у Триумфальной площади, где он оставил двух женщин, которые были ему дороги.

Константин знал, что он опоздал, но не хотел в это верить. Он еще успеет вмешаться и спасти их – и Маргариту, и Татьяну. Успеет расстаться с ними, исключить из своей жизни, из числа близких людей, потому что эта близость становится для них смертельно опасной.

Квартира Татьяны оказалась открытой. Дверь была только плотно притворена, но не закрыта на замок. Последняя надежда Константина рухнула.

– Рита! Таня! – крикнул он, боясь войти в комнату и убедиться в том, что опоздал.

Константин медленно прошел по коридору и остановился на пороге комнаты. Сердце, которое всю дорогу билось в его груди, словно собиралось выпрыгнуть из грудной клетки, остановилось и замерло.

Отброшенная выстрелом к стене, Татьяна сидела на полу. По светлому платью расплзлось темно-красное кровавое пятно. Голова ее свалилась набок и лежала на плече в неестественном положении.

– Таня, – прошептал Константин. – Прости меня, Таня...

Маргариту он увидел не сразу. Из-за стоящего посередине комнаты стола торчали только ее ноги, домашние тапочки слетели и валялись рядом. Константин обошел стол, на что-то еще надеясь и холодея от мысли, что его надежда напрасна.

Маргарита тоже была мертва. В этом не было никаких сомнений. Голова ее лежала в луже крови, которая все еще толчками выбивалась из глубокого разреза на ее шее, лицо исказила гримаса боли и ужаса.

Константину показалось, что она еще дышит, и он бросился к ней.

– Сейчас, Рита, сейчас я тебе помогу, – бормотал он, ища пульс и не находя его. – Как же так, птенец, как же так?

Наконец до Константина дошло, что пульса нет вообще. Да и какой пульс он искал, когда горло у нее было перерезано от уха до уха.

Панфилов впился зубами в руку, чтобы не закричать. Тот, кто убил этих двух беззащитных, ни в чем не виноватых женщин, не обладал никакими человеческими чувствами, он хладнокровно расправился с ними, словно живущий в джунглях хищник.

Впрочем, сказать так, значило бы оскорбить хищников. Хищник убивает только когда голоден, а нападения на себе подобных вообще редки, что у тигров, что у медведей, что у волков или любых других их собратьев. Тот, кто побывал здесь до Константина, – не зверь, он человек. Только человек способен на такую жестокость. Только человек может использовать смерть в своих интересах, сделать ее своей помощницей, своей послушной служанкой...

Константин поднялся.

Кто бы он ни был, он заплатит за это своей жизнью. Константин убьет его сам, своими руками, он не может оставить его в живых.

Оглянувшись еще раз на тело Татьяны, Константин заметил лежащий на столе лист бумаги.

«Это и есть мое приглашение, – прочитал он. – Надеюсь, теперь ты не откажешься со мной встретиться и не удерешь сломя голову, как это было прошлый раз? Разговаривать нам, наверное, не о чем, хотя я и не отказался бы узнать, на кого ты работаешь, Костя Панфилов? Впрочем, если у тебя есть вопросы, готов ответить.

Жду тебя сегодня ночью в Алешкинском лесу. Это недалеко от метро «Планерная». От перекрестка улицы Вилиса Лациса с Туристской улицей, примерно километр точно на север. Надеюсь, не заблудишься. Там есть такой небольшой домишко, на отшибе стоит. Нам никто не помешает разговаривать спокойно...»

Подписи не было, но это мог быть только Мошнаускас, Константин был уверен. Намек на то, что совсем недавно Панфилов приходил в «Цербер» и едва успел оттуда выскочить живым, не оставлял сомнений в том, что автор записки – руководитель охранного предприятия «Цербер» Витольд Мошнаускас.

Но зачем? Почему он убил Маргариту и Татьяну? Только для того, чтобы быть уверенным, что Константин его теперь обязательно найдет, для того, чтобы рассчитаться с ним? Только для этого?

«Я пропитан смертью, как змея – ядом», – подумал Константин.

Он еще раз посмотрел на Маргариту, потом на Татьяну, потом скомкал лист бумаги и сунул его себе в карман. Нужно спешить. Скоро ночь, а он еще не готов к встрече с Мошнаускасом.

Ему нужен второй пистолет. И еще. Ему совершенно не нужно встретиться здесь с милицией. Это нарушит все его планы. Его, конечно, задержат, мало того, обвинят в убийстве, и ему вряд ли удастся оправдаться... А тогда Мошнаускас останется жив. Он, наверное, подумает даже, что Константин трусил, что просто спрятался, решил затеряться в Москве.

Впрочем, дело было не только в этом, Константина мало задело бы обвинение в трусости, он знал себе цену.

Но Константин не мог не встретиться с Мошнаускасом только по одной причине, потому что должен его сегодня убить.

И Константин его убьет.

Он не может его не убить. Потому что он поклялся в этом самому себе.

## Глава 3

...До двери комнаты, в которой ждал его Мошнаускас, Константину оставалось сделать ровно один шаг. Последний. Можно было открывать дверь и вламываться, вбегать, входить, вползать – все, что угодно, в зависимости от того, хочешь ли ты убить своего противника или довольствуешься тем, что убьют тебя.

На этот раз Константин не стал делать паузы между своими шагами. Он не задержался перед дверью, как того уже ждал Мошнаускас, чутко прислушивавшийся к размеренному ритму его движения.

Последняя пауза сжалась в бесконечно малый отрезок времени, и Константин влетел в комнату, резко двинув дверь плечом и тут же упал на пол, ожидая вспышки выстрела. Ни на что другое он не мог ориентироваться в совершенно темной комнате.

Два выстрела раздалось сразу же, едва Константин успел упасть и откатиться в сторону, задев по пути что-то из мебели, судя по легкости, с которой этот предмет отлетел в сторону, – стул.

Одна пуля грохнула в дверь на уровне груди стоящего человека, вторая ударила в пол, в то место, где за секунду до этого находился Константин. Обе вспышки он успел заметить и тоже послал две пули, одну за другой, в силуэт человека у противоположной стены.

Константину показалось, что он услышал короткий стон и едва слышное ругательство.

«Он ранен! – подумал Константин, охваченный азартом преследования врага. – Сейчас, сейчас! Я сейчас тебя добыю, не расстраивайся сильно из-за своей раны».

Стрелять, ориентируясь по чуть слышным шорохам и вспышкам выстрелов противника, Константин научился еще в Афганистане, где скорость реакции и ответного выстрела не раз спасала ему жизнь.

И еще одно правило, усвоенное в Афгане, он всегда соблюдал неукоснительно. После того как нажал на курок, уходи с огневой позиции прежде, чем вылетит пуля из твоего ствола, если не хочешь стать покойником. В Афганистане все стреляли отлично. Особенно те, кто стрелял в Константина и его боевых друзей.

Выстрелив, он вновь откатился в сторону и оказался за каким-то углом, где Мошнаускас не смог бы его достать своим выстрелом. Это он понял по тому, что не увидел вспышки выстрела, который последовал через несколько секунд по тому месту, откуда он стрелял. Но и он не смог сделать ответный выстрел.

– Панфилов! – услышал он голос Мошнаускаса. – Ты еще жив?

– Я тебя убью! – вырвалось у Константина, едва он услышал голос человека, который зверски расправился с Маргаритой и Татьяной.

– Только если тебе это удастся, – услышал он короткий смешок Мошнаускаса. – Но я в этом сомневаюсь. Мне кажется, что ты просто присоединишься к своим бабам, составишь им, так сказать, компанию.

«Спокойно, Костя, спокойно, – сказал сам себе Панфилов. – Он просто хочет вывести меня из себя, разозлить, чтобы я начал дергаться и пороть горячку. Знакомый ход. Тот, кто приходит в ярость, всегда проигрывает хладнокровному противнику».

– Что же ты молчишь, Жиган? – крикнул Мошнаускас. – Такая, кажется, была у тебя когда-то кличка? Какой ты, на хрен, Жиган! Ты сямка болотная, а не Жиган! Двух бабенок не сумел защитить. Герой! Говнюк ты, а не герой! Знаешь, что кричала та, пострашнее и помоложе, когда я шлепнул ее старшую подружку? Она кричала: «Костя! Костя!» Я ей так и сказал: «Говнюк твой Костя! Пидор мокрожопый! Я его шлепну не сегодня-завтра».

Константин молчал, хотя зубы его были сцеплены так, что еще чуть-чуть и они начали бы крошиться. Но он не давал себе прийти в ярость. Он знал, что должен оставаться спокойным и сосредоточенным, чтобы нетерпение не вызвало дрожи в руке и не сбило прицел.

Пусть Мошнаускас упражняется в злословии. Константин прекрасно понимал, что делает он это от невозможности справиться с Константином.

– Что же ты молчишь, говнюк? – продолжал кричать Мошнаускас. – Язык от страха проглотил? Хочу сказать тебе, что я одобряю твой выбор, – бабенки ничего, особенно младшая. Рожа у нее, конечно, немножко подкачала, глуповатая мордашка, но зато тело, – в самый раз. Да нет, я без брехни, я сам попробовал, пока мы втроем тебя ждали, а ты все не появлялся. Бабенки твои заскучали, начали спрашивать меня, чтобы я их отпустил. Соблазняли меня всем, что умеют... Умеют они, должен тебе сказать, много! Я давно так не трахался! Это был кайф! У меня прямо руки дрожали, когда я их кончал... Не в них кончал, это я раньше сделал, а когда я убивал их. Особенно младшенькую. Засомневался даже, может быть, себе оставить? Она обещала любить меня каждый день, сколько я захочу, только бы я ее в живых оставил. Ты слышишь меня, герой? Впрочем, можешь не дергаться, я отказался, не выношу баб с такими лошадиными рожами, как у нее. Но когда горло ей резал, рука все-таки дрогнула. Что-то в ней такое есть. Извини, было... Теперь-то что в ней может быть? Только трупный запах.

– Ты слишком много говоришь, – перебил его Константин из своего угла, и сам пораженный, насколько спокойно звучит его голос. – Наверное, это от страха. Я даже знаю, чего ты боишься. Больше всего ты боишься не того, что я тебя убью. Ты боишься, что я уйду отсюда, и ты не сумеешь меня убить. Потому что я знаю, куда идти, к кому. Как ты думаешь, что скажет Глеб Абрамович, когда я расскажу ему все, что знаю о твоих делах?

– Что ты можешь о них знать? – раздался смех Мошнаускаса. – Ты, мелочь пузатая, случайно попавшаяся мне под ноги! Тебя ждет участь Воловика. Я тебя для этого сюда и пригласил. Но не надейся, что тебе окажут такие же почести и твой труп будет растворен в горячем металле. Или расплавлен? Да какая, черт возьми, разница. Генриха Львовича уже не существует, он никогда не вернется, не отыщется даже его труп, поскольку и трупа никакого уже давно нет. Я даже не знаю, по каким формам разлили металл, принявший его останки. Впрочем, его биографы могут установить это по заводскому журналу готовой продукции. Меня это не интересует. Меня интересует только одно, рассказывал ты кому-нибудь о контактах со мной и Воловиком или нет. Но можешь и не отвечать, поскольку это никакого влияния на твою судьбу не окажет. У тебя на роду написано быть убитым. И непременно здесь, и непременно сейчас.

Константин машинально отметил, что точка, из которой доносится до него голос Мошнаускаса, медленно перемещается. Тот явно рассчитывал, заговаривая зубы Панфилову, выйти на прямой выстрел и открыть огонь на поражение по источнику голоса.

«И этот номер не пройдет, – усмехнулся про себя Константин. – Скорее так сам себя подставишь, супермен хренов!»

Он повернулся спиной в ту сторону, где, по его предположению, находился Мошнаускас, и говорил теперь в стену, с таким расчетом, чтобы отраженные от стены звуки создавали ложное представление о том, где он находится. И сразу же заметил, как занервничал Мошнаускас.

– Что ты бегаешь от меня, как таракан, – воскликнул тот, сбитый с толку маневром Константина. – Я таких тараканов раздавил за свою жизнь... Не ты первый, ну, и сам понимаешь... Стреляй же, сука, чего ты ждешь? Стреляй! Не бойся! Умирать не так страшно, как кажется.

Константин стрелял в темноте на звук так же хорошо, как при ярком свете солнца.

Когда стоишь в дозоре темной безлунной ночью, палишь в каждый шорох, как в копеечку, натренируешься, дай бог каждому. Утром специально ходил проверять, что там шуршало по ночам. Чаще всего находил дохлых тушканчиков или соек, попадались застреленные удавчики, доводилось вот так, на слух, пару раз застрелить и гюрзу. Были случаи, когда вместо очередного

тушканчика между камней находили труп моджахеда, но чаще всего их уносили в горы те, кто приходил вместе с убитым ночью. Они редко оставляли трупы своих у наших застав...

– Прежде чем ты умрешь, – сказал Константин, – ответь мне на вопрос.

– А ты наглый парень, – отозвался Мошнаускас. – Думаешь, если я разрешил тебе один раз положить себя на лопатки... Непобедимым себя считаешь?

– Заткнись! – оборвал его Панфилов. – Что я считаю, не твое собачье дело. Ответь на один только вопрос. Зачем ты их убил? Чем они тебе мешали? Если тебе нужен я, – зачем ты убил двух женщин, до которых тебе не было никакого дела? Если бы ты не сделал этого, я бы оставил тебя в живых. Я тебя не понимаю...

– Зачем? – переспросил Мошнаускас. – Ты бы еще спросил, зачем по моему приказу убили Генриха Воловика! Так мне было нужно! Вот и весь ответ.

– Это все очень понятно, – перебил его Константин. – И Воловик. И то, что ты хочешь убить меня. Ты просто прикрываешь свои грехи и свою непрофессиональность перед хозяином. ГБ не понравится такой работник, как ты, такие становятся не нужны сразу же, как только их делишки вылазят наружу. Ты и так уже труп. Но убью тебя все же – я! Можешь считать, что легко еще отделался. Но на вопрос мне все же ответь, зачем ты убил Риту и Татьяну? Чем они-то тебе помешали, – две слабые женщины, которые не знали о твоих делах ничего, абсолютно ничего!

– Да, с мозгами у тебя туго, – ответил Мошнаускас, и Константин отметил, что источник голоса уже вышел из-за угла стены и теперь находится от него на дистанции прямого выстрела. – Мне нужен был ты! Я что же, гоняться за тобой по всей Москве должен? Я рассудил, что правильнее будет, если ты сам меня найдешь. И оставил тебе приглашение. Я был прав! Ты явился тотчас же. Я еще думал, – не выпустить ли им обеим кишки и не намотать ли их на люстру. Но оказалось, что ты и так, без особого приглашения, готов идти куда глаза глядят за каждой юбкой! Ты пришел, прибежал, стоило мне только свистнуть!

Когда он произносил последнее слово, Константин выстрелил. Стрелял он, стоя спиной к цели, только на голос, но был уверен, что попал.

– У, сука! – негромко выругался Мошнаускас.

Константин ждал ответного выстрела, но его не последовало. Панфилов недоумевал, но выстрела все не было. И Мошнаускас молчал, красноречие его неожиданно иссякло. Прислушавшись, Константин различил лишь едва слышный шорох с той стороны, куда он только что выстрелил. Все говорило за то, что Мошнаускас серьезно ранен и теперь ему не до Константина, ему бы ноги унести.

Но Константин знал, как легко принять желаемое за действительное в такие напряженные моменты, и не разрешал себе верить в легкую победу. Он хорошо знал, что легких побед не бывает, так же, как и легких смертей. Смерть может быть только быстрой, но не легкой. Умирать всегда тяжело, даже тогда, когда ты умираешь быстро.

Стараясь не шуметь, Константин снял с себя куртку и осторожно бросил ее метрах в двух от себя на пол. Едва она с тихим шорохом коснулась пола, как в нее тут же ударили две пули, а затем еще две. Мошнаускас, даже если он и был серьезно ранен, стрелять мог, и стрелял он по-прежнему отлично.

Но на этот раз он обманулся, полагая, что Константин купился на его возглас и последующее молчание, и решил покинуть свое убежище. Две пары пуль, которые он всадил, как ему казалось, в вышедшего из-за угла Константина, должны были закончить сегодняшний разговор. Мошнаускас ждал звука упавшего на пол тела.

Но вспышки ответных выстрелов высветились гораздо правее того места, в которое он стрелял. И Мошнаускас понял, что Константин его обманул. Но это было единственное в тот момент, о чем он успел подумать.

Первая пуля пробила ему пальцы правой руки и выбила из нее пистолет, вторая попала в живот, – стрелял Константин по классическим правилам, серией из трех выстрелов, сдвигая прицел на каждом ответном выстреле на миллиметр от точки вспышки в сторону предполагаемого местонахождения тела противника, – третья раздробила левое бедро.

Мошнаускас тяжело упал на правое колено, но левую ногу он совершенно не чувствовал, она не слушалась, на нее невозможно было опереться, и он завалился на левый бок, громынув ногами о какой-то шкаф.

Самое плохое было не то, что его ранили, и даже не то, что пистолет выбит из его правой руки. Левая была совершенно здорова, да и правая, несмотря на боль, все еще слушалась, достать пистолет из подмышечной кобуры – дело нескольких секунд. И даже не пуля в животе беспокоила его больше всего, хотя это было очень серьезно, но думать об этом он будет только после того, как покончит с этим Панфиловым, едва не угробившим его сейчас...

Хуже всего было то, что, падая и громыхая, он совершенно не слышал, что в это время делал Константин. И теперь просто не знал, где тот находится. Во время поднятого Мошнаускасом шума можно было переместиться в любой угол комнаты, можно было и вообще ее покинуть. А он не должен выпустить отсюда Константина Панфилова живым.

– Рано радуешься, урод! – сказал он, понимая, что теперь Константин считает себя хозяином положения, будет играть с ним, как кошка с мышкой, и не станет стрелять на голос в серьезно раненного противника. – Я еще жив, а значит, самое страшное для тебя – впереди. И ты это знаешь, потому что жмешься в темном углу, как трусливый заяц! Ты боишься даже смеяться откровенно, – знаешь, что я всажу пулю в твой смеющийся рот.

Боль в простреленном в нескольких местах теле мешала говорить, Мошнаускас чувствовал, как кровь горячими ручейками течет по ногам и по животу, чувствовал, как начинает кружиться голова, но он знал, что это не от потери крови, еще рано, это только от страшной боли, которую ему приходится терпеть и которую он хочет скрыть от стрелявшего в него человека.

– Ну, покажись мне, скотина! – крикнул он. – Ты же все равно покойник. Я даже могу рассказать тебе, как умер Воловик, все равно ты никуда отсюда не уйдешь и рассказать об этом никому не сможешь... Воловика сбросили в расплавленный металл вместе с его любовницей. От него не осталось ничего! Это сделал не я, но я сам это видел. В смысле, на пленке, в записи. Потому что я приказал не только убить его так, чтобы никто найти не мог его тело, но и снять все это на пленку. Да, именно для того, чтобы меня не обманули, чтобы быть уверенным... Тех, кто это сделал, я убрал сам. И о пленке с этой записью знал один я. И буду знать только я один, потому что ты сейчас умрешь... Ну, где же ты прячешься, трусливый суслик! Покажись перед смертью.

Удар носком ботинка в висок оборвал его выкрики. Все это время Константин стоял рядом с ним, чуть сзади, он сразу же пошел на сближение после того, как убедился, что его выстрелы цели достигли, и услышал грохот падающего тела. Он едва не наступил на ворочающегося на полу Мошнаускаса и готов был выпустить себе под ноги всю обойму, но рисковал нарваться в ответ на выстрел.

Поэтому он слушал и все точнее ориентировался в относительном расположении их тел, чтобы нанести прицельный точный удар ногой. Удар, после которого противник теряет сознание. Проверенный удар, отработанный. Только наносился он сейчас в темноте, но и такое Константину приходилось порой делать.

Когда Мошнаускас сумел открыть глаза, в комнате горел свет. Витольд попытался поднять руку, но она уже не слушалась.

«Видно, крови потерял уже много, – подумал Мошнаускас и застонал от нахлынувшей боли. – Что с руками, черт возьми?!»

Руки оказались связанными, – это он обнаружил через минуту после того, как открыл глаза.

– Очухался? – услышал он голос Константина над собой. – Вот теперь можно тебя и кончить, не мог же я отправить на тот свет совершенно бесчувственное тело. Нет, я хочу, чтобы ты понимал, что с тобой делают. И жалел о том, что родился на свет.

Он поднял с пола сбитый кем-то из них стул, поставил рядом с лежащим у стены Мошнаускасом и сел. Достал сигареты, закурил. Руки у него не дрожали. Он с некоторым удивлением прислушивался к себе, но не уловил даже признаков какого-нибудь волнения.

Несколько секунд Константин молчал. Потом вздохнул и сказал, слегка шевельнув голову Мошнаускаса носком ботинка:

– Меня не интересует, что ты думал, когда убивал двух этих женщин. Я только хочу понять, почему они умерли? Почему умирают все, на чьем пути встречаюсь я. Независимо от того, друзья это или враги. Вот и ты скоро умрешь. Объясни мне, почему? Почему со мной так же опасно дружить, как и быть моим врагом? Почему меня нельзя любить? Объясни мне ты, тварь, что толкнуло тебя стать моим врагом? Тебе захотелось умереть? Или ты даже не думал об этом, когда я встретился на твоём пути?

Мошнаускас молчал. Он уже так ослабел от потери крови, что едва шевелил языком. Он чувствовал, как кровь наполняет его брюшную полость, и понимал, что умрет в любом случае, пристрелит его Константин или нет. Сердце, обессиленное болевым шоком и постоянным, все увеличивающимся дефицитом крови, отказывалось работать и замирало на доли секунды. Билось неровно, судорожными толчками.

– Врача, – прохрипел из последних сил Мошнаускас. – Вызови «Скорую».

Константин зло рассмеялся.

– «Скорая» уже прибыла, – сказал он, резко оборвав смех. – Врач уже здесь и сейчас окажет тебе последнюю помощь. Сейчас тебе станет легко и свободно... Тебе станет никак.

Он поднял руку с пистолетом и выстрелил. На правом виске Мошнаускаса, в том месте, куда угодил ему носок панфиловского ботинка, появилось небольшое ровное отверстие, которое тут же затянулось кровью, выступившей над ним небольшим бугорком.

Константин вывернул карманы куртки Мошнаускаса, обнаружил записную книжку и сунул ее в карман. Затем он забрал пистолет из подмышечной кобуры, разыскал на полу второй пистолет, стер с него кровь и тоже сунул в карман.

Больше здесь делать было нечего. Панфилов выключил свет, прошел по длинному, заставленному старой конторской мебелью коридору до входной двери, вновь услышал ее оглушительный скрип и вышел на улицу.

Алешкинский лес молчал, и Константин не мог понять, что ему слышится в этом молчании, – сочувствие или осуждение. Он пошел куда-то, не выбирая дороги, просто огибал деревья, перешагивал через маленькие кусты, продирался через большие, просто шел, не думая конкретно ни о чем и ничего не желая. Обрывки смутных мыслей теснились в его голове, они возникали сами и сами исчезали безо всякого усилия с его стороны.

Через час он вышел к транспортной развязке на Московской кольцевой дороге, недалеко от Новобутакова. Куда идти дальше, он не знал.

Константин вновь остался один. Теперь он был еще более одинок, чем раньше.

## Глава 4

Боль не утихала. Она накатывала медленными волнами, сжигая Константина в пламени самоосуждения, и вновь не спеша отступала, давая ему возможность думать над своей жизнью.

Впрочем, жизнью его существование в Москве назвать было трудно. Он снял маленькую квартирку в старом доме на южной окраине Москвы, забился в нее, как в нору, и день за днем пытался забыть смерть двух доверившихся ему женщин. Поверивших в его силу.

Но забыть ничего не удавалось. Наоборот, в памяти всплывали все новые и новые картины его прошедшей жизни... Панфилов закрывал глаза и видел лица своих погибших друзей, мертвые лица.

Многих он похоронил. Но еще больше было таких, кого он никогда и не видел мертвыми, просто узнавал, что они погибли. Но и их он не мог вспомнить живыми.

Даже Игнат, брат, которого он помнил с детства и никогда не видел мертвым, представлялся ему лежащим на столе, со сложенными на груди руками и чуть ироничной улыбкой на бледном лице. Константин чувствовал, как сердце ему сжимает что-то безжалостное, что оно будет давить и дальше все сильнее и сильнее, пока его сердце не лопнет от напряжения.

И он открывал глаза и садился на постели, держась за грудь и хватая ртом воздух.

Когда глаза были открыты, становилось немного легче. Но тут же в голове начинали кружиться все те же вопросы, на которые он не знал ответа:

«Зачем погиб Игнат? Ради чего? Зачем умерли Татьяна и Маргарита? Чем оправданы их смерти?»

Он знал, что не сможет ответить на эти вопросы никогда, потому что их смерти не были оправданы ничем. Константин помнил, как умирали его друзья в Афганистане. Сколь ни бессмысленной казалась им уже тогда эта война, там было хоть какое-то оправдание смерти, – за твоей спиной стояли твои друзья и ты защищал их жизни ценой своей. Но все равно, когда убивали того, кто был с тобой рядом, горькое недоумение вставало и заслоняло всю кажущуюся целесообразность. «Что мы делаем в этих афганских горах? Ради чего мы сюда пришли?» Ответа на такие вопросы у Константина Панфилова тоже не было.

Выходил из квартиры Константин редко, только до ближайшего магазина, и, купив кое-какие продукты, тут же возвращался. Люди, которые попадались ему навстречу, его раздражали.

Он чувствовал, что остановись он и заговори с кем-нибудь из них, как тут же начнется то, что начинается всегда, – его начнут «взвешивать» и стараться приноровить, приспособить к каким-то неведомым и ненужным ему целям. Не его целям.

А есть ли цель у него самого? Что представляет для него ценность? Брат? Но он умер, и другого у него никогда не будет.

Женщины, которых любил? Они тоже мертвы, и больше Константин не хочет никакой любви. Любви, которая всегда кончается одним и тем же – потерей. А чем еще может кончиться любовь? Обязательно один из двоих умрет, и человек вновь останется один, только ему будет еще тяжелее, чем если бы он никогда и никого не любил.

Любовь – страшное и жестокое чувство и ведет оно только к смерти...

Друзья? Из них тоже никого не осталось в живых. Да и кого можно назвать другом? Человека, который готов за тебя умереть?

Жизнь слишком часто проверяет дружбу на прочность, а друзей – на готовность умереть, и друзьям приходится умирать, если они настоящие друзья.

Но почему так происходит? Почему нельзя просто жить, просто любить и просто радоваться встрече с друзьями? Почему приходится прощаться со всем, что тебе дорого, отказываться от всего этого?

Когда все это началось? Наверное, с Афганистана... Там впервые смерть прицепилась к Константину, как репей, и повисла на нем, незамеченная, притаившаяся. В Афгане он привык к смерти и, когда вернулся, воспринимал ее каждый раз хоть и тяжело, но как неизбежность.

Именно в Афгане он принял ее правила жизни – это было необходимо, если ты хотел вернуться в Россию живым. Наноси удар первым, пока его не нанесли тебе. Против силы и хитрости есть только одно оружие – сила и хитрость. Выживает тот, кто сильнее, кто быстрее находит возможность ударить растерявшегося или беспечного противника. И еще... Смерть всегда рядом и всегда голодна – не накормишь ее ты, она проглотит тебя самого.

А когда вернулся в Россию, оказалось, что вся страна живет по таким правилам, по таким законам. Называй их как хочешь – житейская мудрость, или «понятия», или еще как-то, – само содержание их от этого сильно не изменится, останется прежним...

В Афгане было недоумение: зачем? Дома со всех сторон тебе предлагали ответ, и у всех он был одинаков. Чтобы «жить». Не просто коптить небо на гроши, еле сводя концы с концами, а покупать себе то, что хочешь, ездить туда, куда хочешь, наконец, есть и пить то, что хочешь, а не то, на что хватает денег. Именно это и называется в сегодняшней России «жить». Это значит – не отказывать себе ни в чем.

Самая большая ценность – твои желания. И плевать на все остальное. У тебя есть тело, у тела есть потребности, есть желания. Удовлетворение их и есть самая главная цель жизни.

И все сводится в конечном счете к одному: хочешь «жить» – борись за деньги. Добыть как можно больше денег – в этом состоит смысл твоей борьбы с врагами, за это гибнут твои друзья. «Мерзость! – подумал Константин. – Кругом одна мерзость!»

Он устал терять тех, кто рядом с ним. Избавившись от своего имени, спрятавшись за вымышленные имя и фамилию, Константин думал, что ему удалось обмануть свою судьбу. Но оказалось, сделать это не так просто. Он поменял имя, но не мог изменить свой характер, свою натуру. А она полностью соответствовала той системе ценностей, по которой он жил прежде.

Теперь Константин вообще никого не хотел видеть и слышать, ни с кем общаться. Он спрятался в самом себе и потихоньку зализывал раны.

Но Константина оставили в покое. В охранным агентстве «Цезарь» никто, кроме Мошнаускаса, не интересовался Константином, поскольку только директор агентства получал задания от Белоцерковского, никто другой просто не был в курсе ситуации с Панфиловым.

Мошнаускаса обнаружили на четвертый день после смерти пацаны, забравшиеся в пустующее здание. Он лежал в луже крови, запашок в комнате стоял уже тяжелый, над ним вились крупные зеленые мухи, ползали по лицу, возились вокруг подсохшей дырки во лбу.

Пацаны пулей вылетели из дома и после недолгого совещания решили сообщить ментам. Мошнаускаса увезли и убийство объяснили для себя и для отчета его непрофессиональностью. Судя по документам, он являлся частным сыщиком, а дальше все ясно как божий день – следил за кем-то, судя по всему, за серьезным и опытным бандитом, но оказался неосторожен, был обнаружен и тут же убит. Смерть наступила от выстрела в голову, но ранение в живот тоже было смертельным и привело бы к тому же результату.

На вечернем совещании начальник УВД Северного округа обратил внимание собравшихся в его кабинете начальников отделов на необходимость более тщательной проверки находящихся на их территориях частных сыскных и охранных фирм. Еще раз проверить у всех разрешения на хранение и ношение оружия, еще раз просмотреть уставные документы, лицензии и разрешения на использование спецсредств.

А то развели, понимаешь, самодеятельность, пинкертоны хреновы. И если есть хоть малейшая зацепка, закрывать, на хрен, без всяких разговоров. Пусть жалуются. А мы труп этот с дырой во лбу представим – наглядное пособие, так сказать, по технике безопасности для слишком резвых шерлоков холмсов.

Когда о смерти Мошнаускаса сообщили в «Цербер», это известие вызвало там легкую панику, сопровождавшуюся, впрочем, и вздохом облегчения. Бывшего директора агентства мало кто любил, и мало кто пожалел о том, что жизнь его закончилась преждевременно.

Белоцерковского тотчас же известили, он послал надежного человека, и тот облазил буквально все помещение конторы и квартиру Мошнаускаса, выгреб все документы, которые могли бы пролить свет на причину его убийства, и обнаружил небольшой домашний сейф, вделанный в стену квартиры. Не сумев его открыть, он просто выломал сейф из стены и увез с собой. В сейфе, кроме крупной суммы денег, были обнаружены документы, содержащие компрометирующие материалы на Глеба Абрамовича Белоцерковского, а также видеокассета. Сочтя, что и там компромат на ГБ, ее вместе с документами отправили Глебу Абрамовичу.

Когда у него дошли руки до этой пленки, Глеб Абрамович аж вспотел весь от неожиданности увиденных им кадров. Надо сказать, съемка была неплохая, с некоторым даже художественным изыском, который, впрочем, мог появиться и случайно. Но многие кадры просто впечатляли.

Например, сам момент падения, полета: запрокинутое вверх, прямо в камеру, лицо Генриха Львовича Воловика, лицо, удаляющееся в кадре, уходящее вниз, туда, где, словно живой, глухо шевелился расплавленный металл. Или вспышка огня в тот момент, когда тела коснулись расплава! Это же настоящее искусство, это и на аудитории показать не стыдно, не хуже всяких там Голливудов!

Глеб Абрамович вспомнил выводы своих консультантов, которым он дал задание срочно изучить рынок кинопроизводства и кинопроката и оценить эффективность вложения средств в эту сферу бизнеса. Выводы оказались совершенно неутешительными для Генриха Абрамовича.

На производство любого мало-мальски приличного фильма требовались многие миллионы долларов – затраты просто ужасные, ужасные! Правда, эти деньги окупались, и даже с прибылью, но только в том случае, если фильм удавался. Бывали случаи, когда не удавалось собрать и десятой части того, что было истрачено.

«Нет, – подумал Глеб Абрамович, – это не для меня. Пусть так бездумно рискуют сумасшедшие люди. Я еще не потерял голову на своих плечах. Мы еще посмотрим, как всем вам удастся меня оттереть! Время еще есть. А теперь, когда Воловик столь эффектно... э-э-э... однако, слова даже не подберу... Столь эффектно «гикнулся», так это, кажется, звучало?.. Как бы там ни было, Генриха Львовича теперь нет, и Дружков остался беспризорным. Он, конечно, срочно ищет замену Воловику, но ведь надо же понимать, разве найдешь за несколько дней замену человеку, с которым проработал несколько лет. Это надо обдумать. Почему именно Дружков? У него что, больше шансов, чем у остальных? Обдумать нужно не спеша».

Вопрос, кого из новых политических лидеров финансировать и вести к реальной власти в стране, был для Белоцерковского все еще не решен и по-прежнему оставался главным вопросом текущего момента.

Те, кто наверху сейчас, власть уступят, это ясно. Сейчас срочно готовится новая фигура, которой можно было бы передать все дела, все управление, но достаточно ли убедительной окажется эта фигура? Так можно и ошибиться, и очень серьезно ошибиться.

Стоит подумать и об альтернативах. Еще есть возможность связать свои деньги с любым именем, которое мелькает на российской политической сцене.

И вдруг шальная мысль шевельнулась в голове Белоцерковского: «А что, если – самому?»

Он даже вскочил и прошелся по кабинету, вернее, пробежался.

«Но нет, нет! – заворчал он на себя самого. – Зачем тебе это надо? Господи боже ж мой, разве мало желающих? Как голодных собак! Выбирай любого...»

И он опять надолго задумался, перебирая возможных кандидатов и размышляя, кого из них взять под свою финансовую опеку.

С ответом на один вопрос у Глеба Абрамовича не было абсолютно никаких колебаний: тайна смерти Генриха Львовича Воловика так и останется тайной.

Разве что потом, когда улягутся политические страсти и о существовании Генриха Львовича прочно забудут даже его близкие... Но сейчас?.. Ни в коем случае не следует раскрывать тайну его смерти. Сейчас Белоцерковскому гораздо выгоднее оставить за Воловиком сформированный ему газетчиками образ политического интригана и авантюриста, чем несчастной жертвы насилия.

«Достаточно того, что о его смерти знаю я, – решил Глеб Абрамович. – Надо, кстати, дать задание, чтобы повнимательнее присмотрелись к его активам, пройдет совсем немного времени, и все в его «империи» пойдет по швам без его хозяйского присмотра. Можно очень неплохо заработать около всего этого».

Между тем оставшаяся без управления команда Воловика выдвинула из своей среды нового лидера. Лидер наиболее последовательно выражал идею передела оставшейся без присмотра собственности. Воловика нет и, возможно, не будет уже никогда.

Деньги, лишившиеся хозяина, становятся слишком привлекательными. Прекрасно понимая, что законным путем у замешкавшегося где-то Воловика ничего не отобрать, его управленцы начали просто тащить все, что плохо лежит.

Тащиловка захлестнула все уровни воловиковской структуры – сверху донизу. И те оперативники, которые охотились за Константином, рванулись за своей долей добычи. Что им какой-то придурок, которого никак не удастся поймать, и приказ подтвердить некому, поскольку хозяин исчез неизвестно где.

Поэтому искать Константина перестали. Мало того, те, кто успел хорошо хапнуть, стремились унести ноги, опасаясь, что Воловик все же вернется. Бардак в стройной прежде команде поднялся неописуемый. Друг друга-то найти уже не могли, какой там, к черту, Константин?!

Никто Константином не интересовался, и сам он не интересовался никем.

Его интересовал теперь единственный в мире человек – он сам.

## Глава 5

Иногда Панфилов начинал сомневаться. Может быть, зря он все это? Может быть, нет никакой закономерности в смерти близких ему людей, может быть, это он сам все напридумывал? И в деньгах ничего нет мерзкого и жестокого. Тысячи, миллионы людей живут точно так же, как он жил еще недавно, – дерутся, интригуют, предают, рвут глотки друг другу ради того, чтобы увеличить свой капитал. И если посмотреть со стороны, только этим их жизнь и ограничена.

Но рядом с ними живут их жены и дети, их любят женщины и ничего особенно страшного из-за этого не происходит. Ну разве что семейные скандалы.

Во время таких вот сомнений в голову Константину пришла мысль посмотреть на свое «дело», которое он давно забросил, еще когда отправился в Дагестан разыскивать убийцу своего брата. Из Дагестана в Запрудный Константин Панфилов уже не вернулся.

Вряд ли он сейчас смог бы ответить самому себе, зачем это ему нужно. Но он просто купил билет на электричку и тихо сидел, дремал у окна, разглядывая изнанку московских улиц, хорошо видную из окна электрички.

Он не хотел, чтобы его узнали в Запрудном. А узнать его могли сотни людей, Константин Панфилов был слишком известным человеком в этом маленьком подмосковном городке. Он вырядился чуть ли не бомжем: засаленные брюки, слишком короткие для его роста, он разыскал в кладовке у хозяина квартиры, там же нашелся и пиджак, на котором было маловато пуговиц, зато дыр – хоть отбавляй.

Константин не думал, что его визит окажется таким трудным для него самого. Знакомые улицы вызвали воспоминания, одно другого болезненней. Он не нашел в себе силы посмотреть на тот дом, где прожил много лет вдвоем со своим братом, обошел его стороной.

К удивлению Константина, казино «Золотой дукат» работало, автостоянка была забита иномарками, в которых скучали водители и охранники. Из ресторана доносилась музыка, когда дверь на несколько секунд открывалась, чтобы принять новых посетителей.

Заведение работало на полную катушку. Заходить внутрь и интересоваться, как поставлено дело, у Константина не было никакого желания, да и наряд не позволял. Вряд ли прибыль поступала, как и прежде, на счета, открытые Константином Панфиловым, да и сами счета – существовали ли они сейчас? Сомнительно.

Но вот справедливого негодования не было. Это его даже несколько удивляло. Какие-то мошенники присвоили его дело, гребут его деньги, а его это даже не возмущает.

Потому что он понимает: так и должно быть. Нельзя оставлять дело без присмотра, тотчас найдется много охотников прибрать его к рукам. Но никакого желания вновь вернуть все, что еще совсем недавно принадлежало ему, у Константина не было.

Ему стало интересно, кто же все-таки оказался таким предприимчивым и расторопным, – назначенный им же самим директором казино Леня Мурашко или кто-то другой. Может быть, братва отбила казино себе? Впрочем, зачем им этот геморрой, они просто доить хозяина будут, без мороки и головной боли, так намного легче для не привыкшей напрягать извилины братвы.

Константин зашел в рюмочную, расположенную на той же площади, что и казино. Это было заведение самое демократичное, то есть для тех, у кого денег хватало хотя бы на сто граммов водки.

Деньги на водку у Константина были, и не только на водку. Он купил сто граммов и притерся со своим стаканом к двум потрепанного вида мужчинам, уткнувшим носы в пустые стаканы.

Панфилов поставил стакан перед собой, но пить не спешил.

Он достал мятую пачку «Примы», размял сигарету, прикурил, потом посмотрел на своих унылых соседей, словно впервые их увидел, и протянул одному из них пачку сигарет.

– Кури! – сказал он.

Мужчина не заставил долго себя упрашивать. Он вытащил две сигареты, сделал вид, что случайно зацепил вторую. Константин, в свою очередь, сделал вид, что не заметил. Он протянул пачку второму мужчине молча. Тот, тоже молча, взял сигарету.

Задымили. Тот, что стоял слева от Константина, сохранял остатки былой интеллигентности, у него был даже галстук, которым он время от времени вытирал потное лицо. Второй был абсолютно лысый, на голову ниже первого, и почему-то казалось, что прежде он был военным, голову, что ли, держал слишком прямо, словно выполняя нескончаемую команду «Смирно!».

Первого Константин тут же прозвал Интеллигентом, второго – Полковником.

– Гуляем? – спросил Интеллигент. – Бабки карманы жгут? Хорошо, видать, подхарчился.

Константин промолчал, посасывая сигарету.

– В Москве кормился? – спросил Полковник. – Я тебя здесь раньше что-то не видел. Недавно, видать, приехал в наши края?

Константин кивнул. Он заметил, как оба его соседа по столику быстро переглянулись между собой и тут же отвели глаза. Интеллигент вновь уткнулся взглядом в дно своего пустого стакана, а Полковник с нескрываемым интересом посмотрел на Константина.

– Плеснул бы на радостях, – сказал он. – Втроем веселей деньги тратить.

– Это можно, – легко согласился Константин и положил на стол пару мятых десятков. – Возьмите себе беленькой по соточке.

– Вот это дело, мужик! – тут же оживился Интеллигент. – А то такая грусть, на тебя глядя, берет. У человека, понимаешь ли, праздник, а мы с Лысым компанию ему составить не можем.

Интеллигент отошел к стойке, пошептался с барменом и принес стаканы с водкой.

– Ты если не местный, если из Москвы, то держись за нас, мы тебе все места тут откроем, – сообщил Полковник. – Здесь не самое лучшее. В долг не наливают. Менты шарят то и дело. Казино это хреново, и не был в нем ни разу, а даже если рядом крутишься, замести могут. Это у них здесь плевое дело.

– За что ж это? – сделал удивленное лицо Константин. – Просто так, что ль?

– Просто, не просто... – проворчал Интеллигент, выпив и занюхав кулаком. – У нас тут все просто. И пятнадцать суток припать проще простого. А то и побольше, если что поперек скажешь. Везде мусора одинаковые, словом. Не видел еще ни одного среди них, у которого хоть что-то человеческое в глазах было.

– Терпеть не могу этих козлов, – сообщил Константин. – Вот они где у меня!

Он показал ребром ладони, насколько сильно достала его московская милиция.

– Тогда ты зря здесь стоишь, – сообщил ему Полковник. – Нас каждый раз шмонают, когда здесь застукают. А у тебя, похоже, карманы не пустые. А где ты их наполнил, дело, конечно, не их, но спрашивать обязательно будут. Не производишь ты, брат, впечатление человека, у которого есть в кармане деньги. Но они у тебя есть – это уже установленный факт!

– Есть маленько, – согласился Константин. – Только не пойму я, что это у вас за казино такое, что даже рядом с ним постоять нельзя?

– Казино как казино, не лучше и не хуже, чем любое другое, – ответил Интеллигент. – Просто менты его к рукам прибрали. Ментовское это казино.

– Не понял, – удивился Константин. – Как это, ментовское? Им же не положено.

– А они положили на то, что им не положено, – усмехнулся Полковник. – Хозяин-то в бега ударился. Казино без присмотра осталось. А бабки с его, видать, хорошие идут, тут не только местная братва ошивается, гости тоже приезжают, из Фокина, из Химок, да и из Москвы бывают. Крупные люди приезжают, с охраной.

– А ты-то откуда знаешь, если ни разу в нем не был? – спросил недоверчиво Константин.

– Не был! – пожал плечами Полковник. – Ну и что? В Кремле я тоже ни разу не был, а что там делается, знаю. Люди рассказывают. Охранник вот на прошлой неделе зашел пропустить соточку, так он говорил, что там не только деньгами выигрыш получить можно. Есть там стол, говорит, где вместо выигрыша получаешь бабу на полчаса. И комнаты есть тут же. Так столик этот никогда не пустует, очередь выстраивается.

– Ну вот это уже точно брехня! – покачал головой Константин. – Никогда менты не станут так подставляться.

– А они сами и не подставляются, – засмеялся Полковник. – Они нашли пацана какого-то, который вроде бы наследником прежнему хозяину приходится, документы на него оформили. Он и подставляется, а они тут ни при чем, если что.

– А чего ж они тут-то шастают? – спросил Константин. – Вас-то чего трясут.

– Так бояться же, что прежний хозяин объявится, – усмехнулся Интеллигент. – Тот крутой бы-ы-ыл... Жиганом звали. Пропал куда-то, замочили, видно. Может, те же менты и замочили.

– Не гони! – перебил его Полковник. – Какие на хрен менты? Он на разборку куда-то поехал. У него брата в Чечню увезли, выкуп с Жигана потребовали. А он вместо денег взял десяток стволов, крепких ребят из местных пацанов набрал и туда – за братом. И все! Пропал! Ни самого, ни брата. Кончили его, видно, на пулю нарвался. И то сказать, давно он ее искал. Тут у нас порой целая война из-за этого Жигана случалась. Как начнут на него наезжать, только прятаться успевай, чтобы тебя случайно не замочили. Столько народу положили в этих разборках.

– Кому ты на хрен нужен, Лысый, – засмеялся Интеллигент. – А что менты шарят, это верняк! Но тут дело другое. Патрулю-то тоже кушать хочется. Бабки-то с казино начальство гребет, есть тут у нас один майор, недавно из Москвы прислали. А нас патруль шмонает: деньги найдут, конфискуют, а то и тебя с собой заберут, разбираться, откуда ты их взял. И то верно, откуда у нас деньги, если только украдешь где... Или пьяный какой ночью попадет под руку.

– А ты, парень, еще по соточке нам взять не хочешь? – спросил Полковник, глядя из-под лысого лба на Константина. – Бабок-то, видать, у тебя хватает. Вдруг патруль набредет. Тебе же спокойнее с друзьями будет. Мы тогда ни слова, ни полслова... А то, знаешь, стоит мигнуть только менту, он сразу все поймет. А ты оправдывайся потом, что деньги эти от своей тетки получил, которая в Сингапуре умерла.

– По соточке – это мало! – заявил Интеллигент, рассматривая Константина. – Он нам пару флаконов поставит. А то несправедливо как-то получается. В одиночку только последние суки празднуют. Русский человек компанию любит. Ну, чего застыл-то? Доставай кошель, а то нарвешься на ментов, все отберут, до последней копейки. А нам с Лысым много не надо – мы ведь и на половину согласны. Верно, Лысый?

– Засохни! – огрызнулся Полковник.

Он огляделся по сторонам. Народу в рюмочной почти никого не было. Только у столика в углу стоял со стаканом мужчина в возрасте. Ну и бармен, конечно. Но ни тот, ни другой даже не смотрели в сторону Константина и его соседей.

– Ну, чего застыл? – тихо спросил Полковник. – Шевелись давай! Бабки доставай! Не томи понапрасну. Или тебе помочь?

Он сунул руку в карман, что-то там нашарил, вытащил и спрятал руку под столом. Константин услышал характерный щелчок.

«Нож! – понял он. – С выбрасывающимся лезвием... Ерунда. Интеллигент вялый, а этого лысого урода с ножом я и голыми руками сделаю».

Сзади, за поясом чужих засаленных брюк, у Константина был пистолет, но он не хотел поднимать шум и стрельбу, он вообще не хотел связываться с кем бы то ни было. Но эти два урода сами нарываються.

– Что, козлы, жить надоело? – усмехнулся Константин. – Ну так я на тот свет только по записи отправляю, раз в неделю. А сегодня у меня выходной. Сегодня приема нет, напрасно хлопчете!

– Смотри, Лысый, хамит! – воскликнул Интеллигент. – За «козлов» ответишь! Гони деньги, сука! Пока с тобой по-хорошему говорят.

Лысый неожиданно выдернул руку из-под стола и воткнул нож в стол. Он метил в руку Константина, лежащую на столе, но тот вовремя ее отдернул.

– Слышь, козлы, я вас предупреждал! – сказал Константин тихо, бросив окурок сигареты в так и не выпитую им водку.

«Деньги! – подумал он. – И тут деньги! Опять я ввязываюсь в драку из-за денег. А что же еще делать? Уступить этим пидорам и уйти, как побитая собака?»

Полковник был готов к ответному удару, но Константин сначала вырубил Интеллигента, припечатал его кулаком в скулу. Он свалил соседний столик и оказался под ногами у мужчины, стоявшего в углу.

Полковник замешкался, упустил момент. Кулак его ткнул Константина в плечо, но удар оказался слабым, помешал столик, стоящий между ними.

Константин поймал руку Полковника, вывернул ее и отвел в сторону, разворачивая его к себе боком.

Полковник не ожидал столь решительных действий со стороны Константина и растерялся. Нож торчал в столе, он слишком сильно всадил его – выдернуть было трудно.

– Убивают! – заорал неожиданно Полковник. – Милиция. Помогите!

Константин не стал его бить, только сильно толкнул ногой в зад, от чего тот пролетел через небольшой зал рюмочной и врезался головой в стойку, за которой суетился перепуганный бармен.

Панфилов вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за руку.

«Интеллигент очухался!» – подумал он и не глядя ударил локтем назад, рассчитывая попасть в лицо тому, кто его схватил.

Но локоть его был мягко остановлен простейшим блоком, приемом, который известен любому, кто хоть немного занимался рукопашным боем. Обычно после такого блока следует ответный удар в голову, ближе к затылку, если устоишь на ногах, считай, повезло.

Чертыхнувшись про себя на то, что недооценил противника, Константин попробовал отвести голову немного правее, чтобы не дать нападавшему точно попасть в болевую точку за ухом.

Он приготовился уже падать и даже выбрал место между столиками, где было посвободнее и можно было быстро вскочить на ноги.

Но удара не последовало. Константин отпрыгнул в сторону, вырвав руку из захвата противника, и обернулся. Перед ним стоял не Интеллигент, а тот самый мужчина, который пил водку за угловым столиком.

– Не надо! – сказал он спокойно. – Не надо пороть горячку. Бегите за мной, если не хотите нарваться на милицию. Она сейчас будет здесь.

И он показал рукой на бармена, который что-то быстро говорил по сотовому телефону, поглядывая на Константина.

– Он уже сообщил в дежурку, – продолжал мужчина. – Поэтому на улицу выходить не стоит. Я знаю тут выход во двор.

– Я тоже знаю, – сказал Константин и направился к двери в глубине зала.

Еще пацаном он знал выход из этой забегаловки, приходилось им пользоваться, когда пили тут портвейн с приятелями, а их разыскивали только что избитые ими парни с соседней улицы – с кусками арматуры и цепями в руках – собирались продолжить разборку. Тогда самое разумное было – сделать ноги.

Так же, наверное, как и сейчас.

Выйдя в знакомый двор, Константин тут же двинулся направо, где был проход на соседнюю улицу. Но мужчина вновь схватил его за руку.

– Куда вы? – спросил он с досадой.

– Там проходной двор, – ответил Константин.

– Там нет теперь прохода, поставили каменный забор, – сказал он. – Нам нужно в другую сторону. И давайте побыстрее.

Со стороны улицы, на которую выходила фасадом рюмочная, раздалась милицейская сирена. Встречаться с ментами у Константина не было ни малейшего желания. Он молча последовал за своим избавителем.

Только когда они перемахнули невысокий деревянный забор и через заставленный грузовыми автомобилями двор какого-то предприятия вышли на соседнюю улицу, мужчина остановился и сказал:

– Ну все, можно не спешить. Чтобы сюда попасть, им надо весь квартал объезжать. Можно спокойно уйти, пока они будут сюда добираться. А может быть, и не захотят. Ленивые стали. Сейчас ввалит хорошо Лысому с его дружкой и успокоятся на этом.

– Такое знание ментовской психологии, – сказал Константин. – Впору удивиться.

– Не стоит удивляться, – возразил мужчина. – Удивляться, пожалуй, стоит мне. Ведь я давно уже узнал вас, Константин Петрович, несмотря на весь этот дешевый маскарад...

Константин сдержал машинальное движение руки за пистолетом и только весь напрягся.

– И не надо хвататься за пушку, – продолжал мужчина. – Она у вас, кстати, выпирает, когда вы слегка сутулитесь. Мне от вас ничего не нужно. И вообще, наша встреча совершенно случайна. Кстати, если вы не против, стоит убраться отсюда все же куда-нибудь подальше... Мне просто не хотелось, чтобы вы попались на провокацию этих подонков. Они же стукачи, я даже таксу знаю – сто граммов водки в день. Бармен в курсе, он им наливает. Сообщают все, что попадет в их поле зрения и что удастся вынюхать. Иногда пытаются выпотрошить клиента сами, особенно приезжих. Ваше счастье, что они, кажется, вас не узнали... Впрочем, прикид на вас сегодня оригинальный. И эта кепочка! Признаюсь, она-то и навела меня прежде всего на мысль, что вы хотите скрыть, кто вы. Сразу же видно, что вы надели ее впервые в жизни.

– Кто вы? – спросил Константин.

– Кто я? – усмехнулся мужчина. – Надеюсь, вы помните полковника Сапронова?

– Да уж... – усмехнулся Константин. – Помню, как не помнить!

– Он, кстати, умер, может быть, вы не знаете об этом, – сказал мужчина. – Повесился в камере, когда его начали трясти за все эти дела, которые он тут организовал. Это-то, надеюсь, вам хорошо известно. Насколько я помню, с вашей подачи его и арестовали...

– Откуда вам все это известно? – насторожился Константин.

– Да не волнуйтесь особенно-то, – спокойно ответил мужчина. – Все это – дело прошлое. Дело Сапронова благополучно замяли и отправили в архив. Просто меня назначили на его место.

– Вас? – удивился Константин. – Вы – начальник Запрудненского УВД?

– Бывший начальник, – уточнил мужчина. – Поэтому мне и стали известны некоторые подробности деятельности моего предшественника, а также некоторые факты вашей биографии. Но я уже несколько месяцев не работаю в этой должности. Кому-то показалось, что я слишком тщательно занимаюсь разработкой старых связей полковника Сапронова. После первого же доклада по его делу меня вызвали в Москву и объяснили, что я сильно устал работать без отпуска вот уже который год, отправили в отпуск, а пока я отдыхал, подготовили все необходимые документы. И теперь, позвольте представиться, майор милиции в отставке Александр Владимирович Макеев.

Константин молчал, не зная, что и сказать. Он ясно видел, что майору ничего от него не надо, что встретились они и в самом деле случайно. И понял, что этот человек сможет рассказать ему подробно обо всем, что сейчас творится в Запрудном. С его помощью он разберется в странной ситуации, которая сложилась вокруг казино «Золотой дукат». Что это еще за наследничек такой у него объявился?

– Интересно все же, – сказал Константин, – почему вы меня не спрашиваете, зачем я тут вообще появился? Вас же это интересует?

– А вы скорее всего не сможете ответить на этот вопрос, – спокойно ответил Макеев. – Мне иногда бывают очень понятны поступки людей, хотя они нередко и сами себя не понимают.

Он немного помолчал и зло добавил:

– И мне слишком часто совершенно непонятны действия моего бывшего начальства. Впрочем, не стоит об этом. Это мое, личное, вам это не интересно. Не буду вам навязывать свое общество. Мне кажется, что вы устаете от общения с людьми.

– Бывает, что очень сильно устаю, – согласился Константин. – Но не сейчас. Сейчас мне все же кое-что очень интересно...

– Знаете, Константин Петрович, – ответил Макеев. – Если вам действительно интересно, что сейчас творится в Запрудном, разговор на улице у нас не получится. К себе я вас пригласить не могу, я живу, знаете ли, с соседями, вернее, комнату у них снимаю. Боюсь, они тоже могут вас узнать. Если вас это мало волнует, то должен вас предупредить, что вы совершаете ошибку. Запрудный сейчас опасный для вас город, поверьте мне на слово.

– Вы меня сильно-то не пугайте, – усмехнулся Константин. – Особой ценности в своей жизни я не вижу. Хотя и помирать пока не собрался. Словом, спасибо за предупреждение. В таком случае, поехали ко мне, в Москву, – предложил он. – Я вижу, вы в этом городе – гость, не правда ли? А живете скорее всего в Москве?

– Да, – ответил Макеев. – В Запрудном меня держит что-то самому мне непонятное. Я словно пытаюсь найти ответ на вопрос, который даже сформулировать не могу.

– Тогда поехали, – решительно сказал Константин. – У меня тоже вопросов хватает. Таких же, на которые нет ответа.

## Глава 6

... Часа через два Константин с бывшим майором милиции сидел в квартире на южной окраине Москвы и пил с ним виски «Канадиен клуб» с содовой.

Макеев казался ему каким-то странным человеком. Ведь мент же! Из той же самой породы, что и полковник Сапронов. Но он говорил и рассуждал совсем как Константин, и Панфилову не составило труда найти с ним общий язык. Через десять минут они были уже на «ты», и Константину казалось, что он встретил давнего хорошего приятеля, которого знал всю жизнь.

О казино бывший майор Макеев заговорил сам, предполагал, наверное, что Константина именно этот вопрос больше всего интересует.

– Директора, которого ты поставил, убрали фокинские бандиты, – рассказывал он.

– Я тогда – самый первый бандит, – усмехнулся Константин. – Последнее время запрудненская братва подо мной была.

– Ну хорошо, пусть братва, а не бандиты, – согласился Макеев. – Как ни назови, а все равно организованная преступная группировка. Дело не в этом. Это все слова. Короче, убили твоего директора прямо дома. Выследили и зарезали в подъезде. Он с охранником последнее время ездил, охранника тоже зарезали, не успел выстрелить ни разу. Злые они были на тебя, хорошо ты их достал, докладывали мне, вот на директоре твоём и отыгрались.

– Я-то думал, надолго прижал гадов! – сказал Константин. – Быстро они головы подняли. И опять из-за меня кого-то убили.

– Почему из-за тебя? – удивился Макеев. – Из-за денег, конечно, а не из-за тебя.

– Ну, не из-за меня, так из-за моих денег, – упрямо повторил Константин.

Макеев только пожал плечами.

– Надолго их прижать невозможно, – убежденно сказал Макеев. – Я этот вопрос специально изучал. У меня диссертация по ОПГ лежит незащищенная.

– Диссертация! – удивился Константин. – Я-то думал, что ты мент, а ты ученый, оказывается. Надо же, кандидат ментовских наук.

– Слушай, давай договоримся, – предложил Макеев. – Я буду называть членов организованных преступных группировок «братвой», а не «бандитами», а ты будешь называть работников правоохранительных служб «милиционерами», а не «ментами», «мусорами» или «легалыми».

– Да вас как только ни называй, вы от этого не меняетесь, – пробормотал Константин. – Ладно, не пыхти, договорились!

– И науки мои не ментовские, а юридические, – не мог успокоиться Макеев. – Захотел практикой свои теории проверить. Сам сюда напросился. Только мои теории начальству не понравились.

– А что у тебя там за крамола такая была? – спросил Константин.

– Ничего особенного, – все еще обиженно проворчал Макеев. – Долго рассказывать... Да вот, хотя бы всего один пример. Я там привел статистические данные по организованной преступности в Москве и Московской области и сравнил их с результатами наших внутренних расследований фактов коррупции в органах милиции. Зависимость оказалась прямо пропорциональная. Конечно, это никому у нас не понравилось и меня с радостью отпустили в Запрудный. Знали, сволочи, что здесь меня гораздо легче из органов выкинуть. Дорого мне этот эксперимент обошелся.

– А ты не расстраивайся – не велика потеря, – усмехнулся Константин. – Подумаешь, горе, из ментов выгнали. Радоваться надо.

Макеев недоуменно посмотрел на Панфилова, потер мгновенно покрывшийся капельками пота лоб ладонью, но готовую сорваться с языка фразу проглотил.

– Ладно, – сказал он, уже полностью беря себя в руки. – Замнем для ясности... Так вот. Меня к тому времени отсюда уже сняли, вернее, я в отпуске был. А на моем месте уже новый начальник командовал, я даже и не знал еще, что меня уволить из рядов решили. Этот новый, майор Кондрашов, сразу сообразил, что можно хорошо руки погреть на твоей брошенной собственности. Если с умом подойти. Формально она тебе принадлежит, но тебя нет, и никаких вестей о тебе ты не подаешь. Он решил какого-нибудь родственника твоего найти, и на него твою собственность оформить, ну, вроде как управляет он ею в твоих интересах.

– Родственника? – переспросил удивленный Константин. – Нет у меня никаких родственников. Не могли они никого найти.

– Вот и они с такой проблемой столкнулись, – подтвердил Макеев. – Но выпутались. Разыскали какого-то парнишку, молоко на губах не обсохло. И объявили его твоим сыном, мол, родила от тебя какая-то баба.

– Сыном? – опять переспросил Константин. Он был явно растерян.

Макеев внимательно на него посмотрел.

– Ну, тебе виднее, кем он тебе доводится, – сказал он. – Только мальчишечке идея понравилась. Он какие-то документы разыскал, вроде бы письма твои к его матери. Долго с юристами шушукался, короче, оформили его опекуном твоего имущества. Он и казино теперь опекает. А его опекает майор Кондрашов. Доходят до меня слухи, что девяносто процентов выручки не Андрею этому попадает, а в карман майора Кондрашова.

– Как ты его назвал? – спросил Константин. – Андрей? А мать его как зовут?

– Померла его мать недавно, – вздохнул Макеев. – Убил ее какой-то маньяк вместе с подружкой. Татьяной ее вроде бы звали...

– Значит, Андрей... – повторил Константин. – Вот оно, значит, как. Мать не захотела... А этот, видишь, в наследники мои решил... И что же он, этот Андрей-то, как он, вообще?..

Константин и сам, наверное, не мог бы объяснить, о чем он конкретно спрашивает, но Макееву и не нужно было объяснять. Он умел отвечать на вопросы, которые трудно сформулировать.

– Завидует он тебе, – усмехнулся он. – Наследником Жигана себя считает. Братву в Запрудном прикармливать начал. Ну, те делают вид, что признают его. Но это все театр. Там сопливый еще мальчишечка. У них там Егерь сейчас верха качает. Он деньги у этого сопляка берет, а за спиной у него смеется. Банк твой он закрыл – не понимает в этом ни уха ни рыла. Еще я слышал, свою команду какую-то набирает. Зачем, не знает никто. Такие же, как он, дохляки, тренируются целыми днями, железо нянчат. Живет он, кстати, в твоём же доме, где ты раньше жил. И на твоей машине, конечно, ездит.

Макеев замолчал, сделал небольшую паузу и спросил неожиданно:

– Так это сын твой, что ли?

Константин покачал головой.

– Нет, – сказал он медленно. – Не сын. Но мать его я любил.

Макеев пожал плечами.

– Ну, это дело, конечно, твое, – сказал он. – Но я так понимаю, раз уж ты в Запрудном появился, то хочешь, наверное, назад вернуть все, что у тебя раньше было? Так, что ли?

Константин молчал. Воспоминание о погибшей по его вине Татьяне больно сдавило грудь. Он почти не слышал, что говорит Макеев.

А тот, потягивая виски, развивал только что высказанную им мысль.

– В принципе, конечно, это сделать можно. Но надо действовать очень осторожно и с умом. Прежде всего нужно вернуться с шумом, чтобы весь город знал, что Константин Панфилов вернулся. Иначе рискуешь опять пропасть без вести. И на этот раз уже навсегда. Майор Кондрашов такие дела умеет организовывать.

Макеев помрачнел и несколько секунд молчал, глядя в сторону.

– Потом с пацаном этим переговорить, – продолжал Макеев, справившись с какими-то своими мыслями. – Может, отступного ему пообещать, чтобы не упорствовал. Вот здесь шума, наоборот, никакого не нужно. А с пацаном договоришься, тогда уже все, никакой майор ничего сделать не сможет. Пацан про его дела все знает, тут только хорошая охрана нужна. Потому что, сам понимаешь, охота на тебя начнется. Но ты с братвой своей, я думаю, договоришься, они тебя должны помнить.

Константин неожиданно положил ему руку на плечо и сказал:

– Заткнись, философ! Не хочу я никакой охоты, никакой войны, никакой драки! И деньги эти мне не нужны, у меня и без того денег хватит. Я один живу, мне много не надо. Если только угостить тебя вот иногда, но на это много денег не нужно.

– Подожди, подожди, – сказал Макеев, тоже слегка захмелевший. – Ты что же, не хочешь вернуть себе казино и грести деньгу лопатой? Я что-то тебя не понимаю... Ну, деньги тебе не нужны, это ладно. Мне вот они тоже не нужны. Но зачем же ты тогда в Запрудный приехал?

– Так сразу и не скажешь, – пробормотал Константин. – Для этого голова нужна трезвая. Налей-ка мне еще на два пальца и не разбавляй ничем. Мне нужно голову немного прочистить.

– Любопытный у тебя способ чистки мозгов, – сказал Макеев, наливая в стакан Константина виски. – Надо и мне попробовать.

Константин выпил, наклонился к Макееву и сказал очень ясным, совсем трезвым голосом:

– Я должен жить один. Понимаешь? Там, где я, там драка и смерть. И все это из-за денег. Все из-за моих денег...

Но тут же он задумался и добавил:

– Впрочем, деньги тут ни при чем. Все из-за меня самого. Это... Это судьба. Знаешь такое слово? Это моя проклятая судьба. Я могу жить только один. Чтобы никто из-за меня не умирал.

Макеев тоже выпил, болезненно сморщился и покрутил головой.

– Нет, – сказал он. – Не помогает. Не понимаю я, при чем здесь ты? Люди умирают потому, что они не могут жить вечно. Они в любом случае умрут, независимо от того, встретишься ты на их пути или нет. Потому, что они сами делают выбор, ввязываться в драку или нет. Скажи мне, если уж ты так считаешь, почему тебя самого до сих пор не убили? Раз уж смерть рядом с тобой ходит?

– А вот этого я не знаю, – развел руками Константин. – Наверное, проклятье какое-то на мне есть. Чтобы я оставался все время живым и смотрел, как умирают другие. Из-за меня.

– Проклятье! – засмеялся Макеев. – Характер твой – вот твоё проклятье. А живой до сих пор, потому что жить хочешь. Любить хочешь, детей своих растить... Ты мне скажи по-честному, ты кого-нибудь любил? Не так, чтобы ни то ни се, а по-настоящему, так, чтобы бросить все из-за бабы мог, все дела свои, все деньги, всех врагов простить, если она попросит об этом? Вот так ты любил когда-нибудь?

Константин хотел ответить «да», но не мог. Разве не думал он сам о том, что никогда бы не бросил свои дела ради женщины? Разве не ставил он своих врагов выше близких ему людей? Разве не считал он мсть за обиды и оскорбления самым главным своим делом? Так оно и было. И прав этот бывший мент, когда говорит, что не было у Константина настоящей любви, не знает он, что это такое.

Константин так ничего и не ответил. Макеев плеснул себе еще полстакана виски, проглотил, не поморщившись, и добавил:

– Не было у тебя любви, Жиган. Тебя, наверное, любили, раз на смерть из-за тебя шли. А ты не любил, конечно, никого. Слишком цельная натура, слишком любишь независимость. Поэтому и за дела свои прятался, чтобы в зависимость не попасть от того, кого мог полюбить. Ведь мог же полюбить, а? Вспомни?

Константин зло посмотрел Макееву в глаза.

– Молчи, сволочь! – сказал он тихо. – И без тебя тошно. Не знаю я, было в моей жизни это или не было. И знать не хочу. Знаю только одно, сейчас я никому не нужен. Никто мной не интересуется, никто меня не ищет. И слава богу, что не интересуется! И это самое лучшее, что может быть в моей жизни...

– Ты меня не сволочи, – упрямо стоял на своем Макеев. – Кто ты мне? Друг, сват, брат, чтобы мне тебе сопلي вытирать и по головке гладить? Каждый сам за свою жизнь отвечает. Не нравится тебе, как ты живешь, сам в этом виноват, в жизни такой. Не судьба и не проклятье, а ты сам свою жизнь делаешь...

Он толкнул Константина, уставившегося в стол, рукой в плечо.

– Ты себя не жалея, вот что я тебе скажу, – сказал Макеев. – Когда жалеешь себя, злой становишься, начинаешь других обвинять, искать, кто виноват в твоих бедах. Перестаешь о других думать, только о себе... Ты, видно, мало любви от матери видел в детстве. Потому и жалеешь себя. Брось, Костя! От души тебе советую, брось! Это тупик. Выхода нет из этого чувства. Из чувства жалости к себе. Тебе ж и одиночество-то нравится только потому, что можно в жалость свою погружаться с головой и мучиться сладкой болью, которая ранит сердце, но тешит самолюбие. Это юношеская болезнь, Костя. Эх, рано ты, наверное, мужиком стал, рано себя сильным и взрослым почувствовал. Не успел пережить всю эту мутотень в юности... Это пройдет. Только не забывай, что человек среди людей живет, а не один, как волк в логове. Оклемаешься. И разговаривать тебе надо почаще. Не носить в себе весь этот чувственный хлам, на других его выплескивай, их от этого не убудет, а тебе все легче.

Он встал, поднял бутылку, внимательно посмотрел на нее и поставил обратно на стол.

– Пустая, – сказал он с сожалением. – Значит, пора! Ты смотри тут, не раскисай! Я зайду утром, лечиться будем, я по утрам болею, как последняя сволочь... Не умею совсем пить, а пью.

Он что-то еще бормотал в коридоре, но Константин его не слушал. Что ему наговорил этот странный человек? Жалость к себе?

Да нет! Он ошибается! Наоборот, Константин обвинял себя во всех смертях, которые произошли на его глазах. Какая уж тут, к чертям собачьим, жалость? Нет у него к себе никакой жалости! Тут ненавидеть себя впору.

Грохнула дверь, и Константин понял, что гость ушел. А он все продолжал сидеть и разглядывать свои руки, лежащие на столе. Руки, которым не было дела в этой жизни. Они никогда не будут больше ласкать женщину, не пожмут руку другу, не похлопают по плечу брата...

Никакая это не жалость, это самое настоящее проклятье. Какая-то сила управляет его жизнью и не дает ему распрявиться, нагружает виной за все новые и новые смерти. Скоро этот груз вины его просто раздавит, размажет, как ботинок дождевого червя.

И вдруг Константин понял, ему действительно очень себя жалко! Разве виноват он, что его жизнь сложилась так, как она сложилась?

Почему ему все это досталось? Чем он хуже других? Почему одни живут спокойно и любят тех, кто с ними рядом, почему он никого не любит?

Константин понял, что ему вовсе не хорошо от того, что никому он не нужен, что никто им не интересуется. Будь она проклята, такая жизнь, жизнь одиночки, который может только грызть себя за свои ошибки, которому не с кем разделить свою радость.

На его руку упала капля, сорвавшаяся со щеки. Сердце защемило, и к горлу подкатился какой-то дрожащий комок, который нельзя было проглотить, затолкать обратно. Константин сидел неподвижно за столом, а капли со щеки продолжали капать на его руки.

Он плакал. Плакал над своей жизнью.

## Глава 7

Константин Панфилов очень даже ошибался, когда думал, что никто в Москве им не интересуется, никто его не ищет. С ним стремились встретиться сразу два человека, одного из которых он мог бы вспомнить, если бы очень захотел, а вот второго, женщину, никогда не видел, хотя слышал о ней по меньшей мере дважды.

Ровно неделю назад в Москве появился вернувшийся из Италии сын Воловика, Владислав Генрихович. Его появление всколыхнуло погасший уже интерес к исчезновению самого Генриха Львовича.

Объяснялось это двумя обстоятельствами. Владислав на вопросы журналистов еще в аэропорту заявил, что отец в Италии не появлялся, с ним не встречался и ничего в Венецию о себе не сообщал, ни ему, ни своей жене. Владислав приехал в Москву, чтобы выяснить наконец судьбу своего исчезнувшего родителя.

Кроме того, в газетах появились рассуждения о сложностях, с которыми столкнется Воловик-младший, если захочет вступить в права наследства всем, что осталось после Воловика-старшего.

На этот раз журналисты попали в десятку. Многомиллионное наследство оказалось подвешенным в воздухе. «В случае моей смерти...» – говорилось в завещании Генриха Львовича. И далее – все движимое и недвижимое имущество, все средства, хранящиеся на счетах фирм Воловика-старшего переходили к Воловику-младшему.

Исключение было сделано лишь для недавно купленного на средства Генриха Львовича средневекового дворца в Венеции, оформленного на имя его молодой жены, Лилии Николаевны Симоновой.

Но факт смерти установить было невозможно. Никто не мог с уверенностью сказать, умер ли Генрих Львович, или просто скрылся в неизвестном направлении и теперь наблюдает из укромного уголка за суетой, поднявшейся в связи с его исчезновением. Мало ли какие причуды могут порой возникать у этих миллионеров!

Его душеприказчик не мог рисковать своим именем и репутацией фирмы и самовольно принимать решение о вступлении завещания в силу. Владислав Генрихович попал в идиотскую ситуацию. Он становился одним из самых богатых людей России, но именно становился и все никак не мог стать им. Он находился в ожидании наследства и очень опасался, что ожидание затянется до бесконечности.

Конечно, он вступил в оперативное управление имуществом отца, благо такой случай был предусмотрен юристами, составлявшими для Генриха Львовича учредительные документы. Он лично настаивал на этом пункте, предполагая со временем приобщить сына к серьезному бизнесу и время от времени бросать его, как говорится, в воду, оставляя на него все свои дела. И наблюдать, как он будет барахтаться, пока не научится плавать так же хорошо, так и его отец. А он научится, иначе на кого же все оставить?

Но в тех же документах был оговорен и размер вознаграждения, которое сын будет получать за такую деятельность. Конечно, среднему российскому обывателю сумма, указанная в документе, показалась бы огромной, но все в этом мире относительно, и по сравнению с тем, что мог бы иметь Владислав Воловик, если бы вступил в полное наследование отцовскими компаниями, банками и предприятиями, эта сумма была мизерной.

Владислав Воловик матерился, бился головой о стену, когда был один, орал на своих, вернее, отцовских юристов, когда появлялся в офисе отца, но все было без толку. На голове оставались шишки от ударов о стену, юристы разводили руками, они добросовестно выполняли задание, данное им Генрихом Львовичем, и не оставили никаких лазеек, позволяющих

изменить ситуацию. Да и не торопились они слишком усердствовать. Чем черт не шутит, вдруг вернется Воловик-старший.

Кто тогда будут отвечать перед ним? Вот то-то и оно! Такие дела спешки не терпят. В конце концов, это не их проблема. Не терпится Владиславу Генриховичу стать полновластным хозяином отцовской «империи» – пусть он и ломает голову, как выпутаться из дурацкого положения. Пусть ищет своего папашу или доказывает факт его смерти. Юристы не сыщики, в конце концов.

Владислав этим, собственно, и занимался. Он сразу сообразил, что на юристов надежды нет. Не только отцовских. К кому бы он ни обращался, к самым лучшим, к звездам первой величины, те только разводили руками.

Приходили, правда, к нему какие-то неизвестные личности, называли себя адвокатами и предлагали решить его проблему, просили в виде гонорара заключить с ними договор на управление его активами. От их услуг он отказывался. Несмотря на свою молодость, он не верил в гениальных и безвестных, он все же носил фамилию Воловик, и хоть дурачился и куражился порой в силу своего возраста, но человеком был осторожным и прижимистым. В папу.

Поэтому он сразу же занялся поисками отца. Или хотя бы каких-то его следов. Но единственное, что удалось ему узнать, что Генрих Львович, выступив на совете директоров «Демократического банка» с концептуальной речью, определяющей стратегию банка на следующие пять лет, отсидел положенное приличием время на банкете по случаю шестидесятилетия управляющего этим самым банком, а затем отправился к своей любовнице в квартиру на Сивцевом Вражке. Двух охранников он предварительно отправил в ресторан «Золотой олень», на другой конец Москвы, с подробной инструкцией насчет заказа.

Охранники прибыли в ресторан, приказали метрдотелю сервировать обычный столик Генриха Львовича. После этого расположились у входа в ресторан ждать самого шефа или его указаний по телефону. Минут через двадцать позвонил Генрих Львович и приказал забрать все, что он заказывал, и привезти на Сивцев Вражек, в квартиру Ольги Юрьевны Ландсберг.

Такие случаи бывали и раньше, и охранники такому заданию ничуть не удивились. Захватив упакованные в картонные коробки вина и в специальные термосы горячие блюда, они отправились через всю Москву по указанному шефом адресу, но, когда прибыли на место, Генриха Львовича там не нашли, а обнаружили только растерянного третьего охранника, который сопровождал господина Воловика непосредственно из банка в квартиру любовницы.

Он рассказал, что проводил Генриха Львовича к двери квартиры, в которой ему приходилось бывать и прежде. В квартиру охранник не заходил, так как Воловик приказал ему мотор в машине не глушить, потому что собирался, как он объяснил, ехать вместе с Ольгой Юрьевной в ресторан «Золотой олень».

Охранник только убедился, что в квартире никаких неожиданностей нет, услышал, как Воловик разговаривает с Ольгой Юрьевной, которая в этот момент принимала душ, и тотчас спустился к машине, проследив, чтобы дверь в квартиру была заперта.

Он ждал сообщения о том, что Генрих Львович со своей дамой готовы к поездке и ему необходимо вновь подняться наверх, чтобы проводить их к машине. Но от Генриха Львовича поступило совсем другое указание, он сказал, что в ресторан они не едут, остаются дома, а ему нужно срочно купить и доставить в квартиру две бутылки шампанского, он уже знал, что речь идет об «Асти Мондора», на Сивцевом Вражке Воловик пил только эту марку, к шампанскому – фрукты, конфеты, словом, по обычной программе. Напомнив шефу, что двое других охранников отсутствуют, и выслушав совет не совать нос не в свое дело, он на машине отправился в ближайший супермаркет, купил там все, что потребовал Генрих Львович, и тут же вернулся обратно.

Когда он поднялся на третий этаж, на его звонок дверь никто не открыл. Попытка связаться с Генрихом Львовичем по телефону тоже успеха не принесла. Воловик не отвечал. Отсутствовал охранник минут пятнадцать, не больше, и не мог никак сообразить, куда мог испариться за это время Генрих Львович.

Наконец он решился выбить дверь в квартиру, но это оказалось делом непростым. Побившись плечом в железную дверь и устроив настоящий переполох среди соседей, которые тут же вызвали милицию, охранник прекратил свои безрезультатные попытки и уселся на ступенях лестницы в полной растерянности. В таком виде его и застали двое других охранников, доставивших коробки с вином и металлические термосы – заказ из «Золотого оленя».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.